

НИКА

ЛЕТА

**ПРИ ЧЕМ
ТУТ ХВОСТ ?**

ТЫ ПРОСТО СТРАШНЫЙ

18+

Ника Летта

**При чем тут хвост?
Ты просто страшный**

«Автор»

2026

Летта Н.

При чем тут хвост? Ты просто страшный / Н. Летта — «Автор»,
2026

Он — высокий, серьёзный и до неприличия воспитанный. Она — 150 см сарказма, паники и желания немедленно вернуться под одеяло. У него есть три месяца, чтобы уговорить её полететь на Аттеру. Только разговоры, неловкие свидания, культурный шок, хвост с характером и один очень опасный вопрос: а что, если самый странный мужчина в её жизни окажется самым бережным? Лёгкая космоопера о любви, выборе и девушке, которая вообще-то просто хотела попить воды.

© Летта Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вежливый ночной визитер	5
Глава 2. Крайне сложная раса	9
Глава 3. Мужчина из моей галлюцинации	13
Глава 4. Щенячий приём запрещён протоколом	17
Глава 5. Раненый аситин и священный чайник	21
Глава 6. Радикалы, нож под рёбра и деканат	26
Глава 7. Ты себя в зеркало видел?	30
Глава 8. Мой хвостатый экскурсовод	34
Глава 9. А он большой?	38
Глава 10. Ты где-то просчитался	42
Глава 11. Чужая бывшая меня не касается	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

При чем тут хвост? Ты просто страшный

Глава 1. Вежливый ночной визитер

Я проснулась среди ночи попить воды. Не судьбу менять и не в космос лететь. И тем более не участвовать в программе «разведение хвостатых через землян».

Просто встать. Дойти до кухни. Не споткнуться о стул (важно). Попить. Вернуться. Уснуть. Жизнь была понятной и логичной примерно до момента, пока я не открыла дверь в спальню.

Вернулась в спальню — и едва не выронила стакан.

У окна стоял мужчина.

Точнее, мужчина — это я сейчас очень условно.

В моей квартире он смотрелся совершенно нелепо. Высоченный, широкоплечий, с тёмной кожей странного медного оттенка. Казалось, ещё немного — и придётся расширять дверные проёмы, чтобы он вообще смог отсюда выйти.

А потом я заметила хвост. Господи. Настоящий. Длинный, гибкий, он лениво двигался за спиной незнакомца, пока его обладатель спокойно стоял у моего окна.

Я прикрыла дверь. Посчитала до трёх и снова заглянула в спальню. Нет. Мне не померещилось. Хвостатый мужик по-прежнему был здесь.

— ...ну всё, — пробормотала я. — Приехали.

Стакан в руке опасно накренился, и я судорожно выровняла его, потому что если сейчас ещё и вода разольётся, я просто сяду на пол и начну смеяться.

Мы пару секунд просто смотрели друг на друга, как два человека, которые очень не ожидали увидеть второго.

— ...я сейчас закричу, — предупредила я честно.

— Я не причиню тебе вреда, — сразу сказал он, быстро, чётко, и... как будто это важно.

— Отлично. Это вообще не успокаивает.

Я поставила стакан на тумбочку, потому что если уроню — будет ещё и стекло, а у меня и так тут... зоопарк.

— Ты кто?

Он чуть замялся, как будто подбирал слова попроще.

— Джарим. Тор Брез.

— Ага. Звучит дорого. Дальше.

Руки начали предательски дрожать, у меня тут и так уже перебор событий на квадратный метр.

— Я прибыл с другой системы.

— Конечно прибыл. Соседи через стенку обычно без хвостов.

Хвост у него дёрнулся. Я сразу ткнула в него пальцем:

— Вот. С этого и начнём. Это что?

— Это... часть моей анатомии. — он на секунду напрягся.

— Спасибо, Капитан Очевидность.

Я выдохнула и провела рукой по волосам.

— Ладно. Давай быстро. Почему ты у меня в комнате?

— Потому что тыходишь.

Я замерла.

— ...куда?

— В качестве самки. — после его слов образовалась тишина.

Прям настоящая. Такая, когда мозг просто отключается, потому что не хочет обрабатывать информацию.

— Повтори, — спокойно попросила я.

— В нашей галактике наблюдается критическое снижение рождаемости, — сказал он уже более официально. — Наши самки... не дают потомства в достаточном количестве.

— И ты решил зайти ко мне?

— Земля — биологически совместимая среда. Ваш вид — устойчивый. Эмоционально пластичный. Физиологически... подходящий.

Я медленно села на кровать.

— То есть... правильно ли я понимаю... — я показала на себя. — Ты сейчас предлагаешь мне... участвовать в космическом... размножении?

Он резко напрягся.

— Я не предлагаю тебе ничего против воли.

— О, как щедро.

— Я обязан объяснить и получить согласие.

Я закрыла лицо ладонями.

— Господи...

Потом выглянула между пальцами:

— А нельзя было начать с «привет, я не маньяк»?

— Я не маньяк.

— Слишком поздно.

Он сделал шаг — и сразу остановился, заметив, как я напряглась. Окей. Плюсик ему.

— Я буду приходить в течение трёх месяцев, — сказал он. — Объяснять. Отвечать на вопросы. Ты примешь решение.

— А если не приму?

— Тогда я уйду.

— И найдёшь другую?

Он помолчал.

— Да.

Я фыркнула.

— Великолепно. Значит, я в кастинге.

— Это не...

— Это именно кастинг, Джарим! — я развела руками. — Только вместо анкеты — «способна ли рожать хвостатых».

Он сжал челюсть.

— Я понимаю, как это звучит.

— Нет, ты не понимаешь, — я ткнула в него пальцем. — Потому что это звучит как полный бред!

Он снова сделал вдох. Медленный. Контролируемый. Человек, который привык держать себя в руках.

— Ты боишься, — сказал он.

— Конечно я боюсь! У меня в спальне инопланетянин, который говорит «ты подходишь как самка»!

Он резко опустил взгляд.

— Прости.

Я замерла.

— Что?

— Я выбрал неверную формулировку.

...ладно. Это было неожиданно. Я прищурилась.

— Ты сейчас извиняешься за то, что назвал меня самкой?

— Да.

— Уже лучше.

Он поднял взгляд снова.

— Девушка, — поправился он. — Подходишь как... потенциальный партнёр для продолжения рода.

Я уставилась в потолок.

— Это всё ещё ужасно звучит, но хотя бы менее... животно.

Хвост у него медленно опустился, будто тоже почувствовал, что облажался. Я невольно хмыкнула.

— Он у тебя отдельно думает?

— Частично реагирует на эмоции.

— О, прекрасно. Теперь у меня в комнате ещё и эмоциональный хвост.

Я снова посмотрела на него.

— И что? Ты вот так просто ходишь по планете и ищешь девушек?

— Нет.

— А как?

— Мы проводим анализ. Подбираем... совместимых.

— То есть меня кто-то... выбрал?

— Да.

— Без моего ведома?

— Да.

— Обожаю это уже.

Он и сам, похоже, был не в восторге от того, что собирался сказать. Интересно.

— Без твоего разрешения я тебя не коснусь, — произнёс он. — Принуждать не стану.

Потребуешь уйти — уйду.

— Тогда уходи.

Он остался на месте.

— Сейчас?

Я закусила губу. Самое время было ответить «да» и закончить этот разговор. Разумно и без лишних проблем. Только отпустить его почему-то расхотелось.

— Подожди. Ещё один вопрос. — вскинула я руку.

Он кивнул сразу.

— Почему ты сам?

— Что?

— Почему ты этим занимаешься? У вас что, нет... специальных людей? Отдела «по вербовке земных женщин»?

На секунду у него в глазах мелькнуло что-то тёмное.

— Есть.

— Тогда?

Он сжал пальцы.

— Я не доверяю им.

Я моргнула.

— О...

— И не хочу, чтобы... — он запнулся. — К тебе относились как к ресурсу.

Я уставилась на него. Потом на хвост. Потом снова на него.

— Слушай... — медленно сказала я. — Ты сейчас звучишь как самый странный защитник в истории моей жизни.

Он ничего не ответил. И это было... интересно. Я тяжело выдохнула.

— Ладно. Так. Правила.
Он сразу выпрямился.
— Первое: никаких «самок».
— Принято.
— Второе: приходишь нормально. Не вот это «сюрприз, я у окна».
— Принято.
— Третье: если ты ещё раз начнёшь говорить про размножение таким тоном, я выгоню тебя веником.
— ...что такое веник?
— Оружие.
Он кивнул серьёзно.
— Понял.
Я посмотрела на него ещё раз.
— И последнее.
Он ждал.
— Если ты думаешь, что я вот так просто соглашусь лететь в космос рожать хвостатых...
Я наклонилась вперёд.
— ...ты сильно переоценил моё любопытство.
Уголок его губ чуть дёрнулся.
Почти улыбка.
— Я рассчитываю не на любопытство.
— А на что?
Он посмотрел прямо в глаза.
— На твоё решение.
Я фыркнула.
— Тогда у тебя проблемы.
— Я терпелив.
— Я упрямая.
— Посмотрим.
Я указала на дверь.
— Всё. На сегодня хватит. Уходи. Мне нужно переварить тот факт, что меня записали в межгалактический племенной фонд.
Он кивнул и сделал шаг назад. Затем замер.
— Можно прийти завтра?
Я закатила глаза.
— Днём.
— Днём.
— Через дверь.
— Через дверь.
Я ткнула в хвост.
— И держи это под контролем.
Он на секунду замялся.
— Постараюсь.
— Вот и старайся.
Он исчез. Просто взял и исчез. А я осталась сидеть на кровати. В пустой комнате.
И мыслью, которая медленно, очень медленно пробивалась сквозь шок: **меня только что попытались завербовать... в космическое разведение.**
— ...я даже воды не попила, — пробормотала я и потянулась к стакану, пальцы при этом дрожали.

Глава 2. Крайне сложная раса

Джарим тор Брез

Переход выбросил меня в отсек разведывательного шаттла почти бесшумно. Серебристая рябь за спиной исчезла, отрезая земную ночь. После леса корабельный отсек встретил привычным запахом металла и ровным гулом систем.

Первый контакт состоялся. Правда, если Сия с Машей когда-нибудь узнают, как именно я его провёл, остаток жизни мне придётся провести в обучающем модуле.

Я опёрся ладонью о переборку и мысленно восстановил разговор от начала до конца. Пользы это не принесло. Пиратские стычки, рейды хакари и даже шесть часов обороны с пробитым боком в своё время потребовали от меня меньше усилий, чем разговор с одной земной девушкой.

— Низары меня побери...

Хвост ударил по полу.

— Даже не начинай.

Он дёрнулся снова.

Предатель.

Я занял кресло пилота, но запускать системы не спешил. Первый контакт прошёл лучше, чем мог. Землянка не подняла тревогу, согласилась на повторную встречу и даже позволила уйти без попытки выяснить, где находится корабль.

При этом она меня боялась.

Запах страха я распознал сразу, а вот всё остальное привычной логике аситинов не подчинялось. Наши самки, почувствовав угрозу, искали защиты. Землянка вместо этого спорила, задавала вопросы, требовала объяснений и умудрилась поставить мне условия. Я проник в её дом посреди ночи, а через несколько минут уже сам объяснял, зачем пришёл и когда собираюсь вернуться.

Сия когда-то действовала примерно так же.

Примерно.

После десяти лет знакомства с землянками я уже знал: считать двух из них похожими только потому, что обе спорят с аситином, — хороший способ получить проблемы сразу от обеих.

Поэтому на первый контакт я и отправился сам. Не потому, что лучше остальных понимал земных женщин. После Сии и Маши подобная уверенность вообще считалась у нас признаком неопытности.

Мы просто научились соблюдать инструкции. Особенно те, которые землянки составляли для нас сами.

На панели вспыхнуло уведомление.

ОБУЧАЮЩИЙ МОДУЛЬ: КОНТАКТ С ЗЕМНЫМИ ЖЕНЩИНАМИ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПОВТОРНОЕ ПРОХОЖДЕНИЕ ПОСЛЕ ПЕРВИЧНОГО КОНТАКТА.

— Не сейчас.

ВЕРОЯТНОСТЬ ПОВТОРНОЙ ОШИБКИ ПРИ СЛЕДУЮЩЕМ КОНТАКТЕ ПОВЫШЕНА.

Я медленно подался вперёд.

— Ты сейчас издеваешься?

НЕТ. АНАЛИЗИрую ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РИСКИ.

Хвост снова стукнул по полу.

— Ты вообще молчи. Тебя тоже касается.

Я всё-таки открыл модуль. На экране появились Сия и Маша. Сия — с лицом, будто заранее знала, что мы всё провалим. Маша — с улыбкой, от которой любому разумному самцу следовало бы немедленно покинуть помещение.

— Итак, мальчики, — сказала Сия. — Сразу главное. Землянка — не трофей, не ресурс и не спасательная капсула для вашей демографии.

Маша подняла палец:

— У вас мало женщин, всё сложно, родовые линии грустят. Мы понимаем. Но землянка не обязана решать вашу проблему только потому, что она у вас есть.

Я сцепил пальцы на затылке. *Прекрасно*. Видео продолжалось.

— Первое появление должно быть безопасным, — произнесла Сия. — Светлое время суток. Нейтральная территория. Дистанция. Никаких внезапных материализаций там, где женщина не ждёт увидеть двухметрового хвостатого мужчину.

Хвост очень тихо отполз под кресло.

— Поздно прячешься, — сообщил я ему.

Маша наклонилась к камере:

— Если вы уже внутри спальни, вы проиграли. Даже если стоите неподвижно и держите руки на виду.

Я закрыл глаза.

— Великолепно.

Следующий пункт вспыхнул красным.

НЕ ОБСУЖДАТЬ РЕПРОДУКЦИЮ В ПЕРВЫЕ МИНУТЫ.

— Слова «потомство», «род», «совместимость», «генетический потенциал» и «вы подходите» отправляются в мусор, — бодро объявила Маша. — Особенно «вы подходите». Звучит так, будто вы сверили женщину с таблицей.

Я остановил запись.

За корпусом шаттла шумел земной лес, а фильтры продолжали безуспешно классифицировать местную органику и время от времени сообщали об очередном неизвестном биологическом объекте.

Земля вообще плохо укладывалась в привычные категории Союза. Молодая цивилизация, множество государств, вооружённые конфликты, отсутствие единого управления. Любой специалист по первому контакту потребовал бы ещё несколько лет наблюдений.

У некоторых рас этих лет могло уже не быть.

Союз научился проходить между звёздами, восстанавливать экосистемы и лечить заболевания, которые здесь считались смертельными. С демографией успехи были значительно скромнее.

А потом обнаружилась Земля. Миллиарды людей, среди которых нашлись женщины, физиологически совместимые с несколькими расами Союза и совершенно не заинтересованные в том, насколько сильно кому-то требовалось потомство.

Эту часть первых расчётов явно недооценили.

Панель связи обозначила вызов с орбитального штаба. Флагман находился за Луной, вне зоны земного наблюдения. На поверхность допускались только малые шаттлы, а доступ к сведениям о планете внутри Союза оставался ограниченным. Желающих увидеть в Земле решение собственных проблем нашлось бы куда больше, чем желающих сначала спросить мнение землян.

Я принял вызов.

На экране появился дежурный офицер, за его плечом работал шибару. Значит, результатами первого контакта уже интересовалось не только командование.

— Тор Брез. Состояние землянки?

— Испугана, агрессии не проявила. На повторную встречу согласилась на своих условиях: днём и после разрешения войти.

Шибару оторвался от консоли.

— Требование местного протокола?

— Теперь нашего.

После работы Сии и Маши добровольность наконец перестала считаться удобным дополнением к основной процедуре.

— Она приняла предложение Союза?

— Нет. Согласилась на следующую встречу.

Я потребовал внести в отчёт ошибку при первом появлении и отдельно подтвердить запрет на принуждение.

— Он уже предусмотрен протоколом.

— Тогда повторить несложно.

Офицер изучал меня несколько мгновений.

— Вы эмоционально вовлечены, тор Брез?

— Я отвечаю за контакт. Для отчёта этого достаточно.

Больше он к теме не возвращался. Повторную встречу разрешили без давления, демонстрации технологий и подарков с медицинским или брачным подтекстом.

— И тор Брез...

— Да?

— Через дверь.

Связь оборвалась.

Я покосился на хвост.

— Даже штаб уже знает.

Хвост улёгся на пол с оскорбительной невинностью.

Предатель.

В техническом шкафу к операции подготовили местную одежду, документы прикрытия, валюту, переводчик, сканеры и отдельный контейнер с подарками. На крышке крупно предупреждали:

НЕ ДАРИТЬ ТО, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРИНЯТО ЗА МЕТКУ, ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, ПОДКУП ИЛИ БРАЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Внутри лежали чай, шоколад, книга с изображениями земных животных и мягкий плед.

Последний выглядел вполне разумно. Земные ночи были прохладными, а после сильного испуга температура тела могла снижаться. Если женщина замёрзнет, её следует согреть.

На внутренней стороне крышки Сия оставила записку:

Плед — только если она сама скажет, что замёрзла. Не надо выглядеть заботливым похитителем.

Я закрыл контейнер.

— Невозможно.

У аситинов всё было понятнее. Самка мёрзнет — согрей. Боится — защити. Голодна — накорми. Возникла проблема — устрани.

С землянками перед каждым решением требовалось сначала спросить.

Нужна ли помощь? Можно ли подойти? Хочет ли она есть? Разрешает ли прикоснуться? Не станет ли сама попытка защитить новой причиной испуга?

Крайне сложная раса.

Когда-то такой же загадкой была Сия. Она появилась на нашем корабле, не понимая языка, правил и причин происходящего, но умудрялась спорить с существами вдвое крупнее себя. Половину наших порядков считала дикостью, вторую — идиотизмом, а некоторые достижения Союза относил сразу к обоим категориям.

Она же первой назвала меня Римом. Без разрешения, разумеется.

Сия долго объясняла нам одну простую для землян вещь: женщина может принять помощь и при этом не передать мужчине право решать за неё. Защита не создаёт доверия автоматически, а хорошие намерения мало значат, если выбора не оставили.

До некоторых вещей пришлось доходить самому.

С Сией я понял это поздно. Она выбрала Амадана, хотя мне её выбор не понравился и однажды я даже попытался дать ей возможность изменить решение.

Не изменила.

Пришлось принять.

Наверное, поэтому, когда Сия и Маша продавали через Совет новую программу контакта вместе со всеми её странными правилами, я вызвался одним из первых.

Дело было уже не в Совете и даже не в демографии. За годы службы я достаточно насмотрелся на чужие семьи, чтобы захотеть собственную. Дом, куда хочется возвращаться, и женщину, которая услышит шаги за дверью и обрадуется мне.

До этого, впрочем, предстояло добиться куда более скромного результата — перестать пугать одну конкретную землянку.

Я открыл новый файл:

ПЛАН ВТОРОГО КОНТАКТА.

Первый закончился тем что меня выдворили за порог, поэтому ко второму следовало подойти разумнее. Нас с детства учили оценивать информацию, устранять угрозы, закрывать слабые места и предотвращать ущерб.

С землянкой этот порядок уже один раз подвёл.

Я мог считать свои намерения правильными сколько угодно, но следующая встреча состоится только с её согласия.

Последним пунктом записал:

Принять отказ.

Пожалуй, этому предстояло учиться не только мне.

Можно охранять Землю флотом, скрывать координаты, шифровать маршруты, рассчитывать совместимость и готовить программы. Можно надеяться, что однажды землянки станут частью наших семей.

Но если женщина скажет «нет», на этом всё закончится.

Я сохранил файл.

Где-то над планетой находился флагман, а вместе с ним Совет, бросты, флот и интересы рас, которым от Земли было нужно слишком многое. На их фоне моя задача выглядела скромно: во второй раз не напугать одну женщину.

Пока она давалась мне хуже большинства военных операций.

Пришлось снова включить обучающий модуль.

На экране появилась Сия.

— Повторяем. Землянки не любят, когда их пугают.

— Уже выяснил.

Рядом возникла Маша.

— Если вы всё-таки напугали землянку, не паникуйте. Это ещё не конец.

Вот это звучало полезнее.

— Хотя если вы начали с тайного появления, биологии и фразы «ты подходишь»...

Маша сочувственно положила ладонь Сие на плечо.

— Тогда молитесь, мальчики.

Я выключил запись, немного посидел и включил сначала.

— Низары меня побери.

Глава 3. Мужчина из моей галлюцинации

Утро началось с тяжёлого, липкого ощущения, будто я не спала, а всю ночь принимала экзамен у собственного подсознания. Я лежала на спине, смотрела в потолок и пыталась понять, почему сердце стучит так, словно я опаздываю не на работу, а на казнь.

К тридцати четырём годам я считала себя человеком, способным отличить реальность от бреда, который мозг выдаёт после переутомления, экзаменационной сессии и приближающейся овуляции. Организм в такие дни вообще любит развлекаться: настроение скачет, живот ноет, во сне внезапно появляются люди, которых туда никто не приглашал.

Мне достался вариант поинтереснее. Хвостатый инопланетянин с программой межгалактического размножения. Пожалуй, даже для моего организма это был перебор.

Я села и потёрла лицо ладонями. Стакан на тумбочке стоял там же, где я оставила его вечером. Комната тоже выглядела вполне обычно: мягкое бельё, брошенная на кресле одежда и ни одного огромного мужчины у окна.

Уже неплохо. Телефон сообщил новость похуже: до начала заседания экзаменационной комиссии оставалось преступно мало времени.

— Сон, — сообщила я стенам.

За последние четыре года они вообще стали прекрасными собеседниками. Не перебивали, не спорили и всегда были дома.

С людьми было сложнее. Люди уходили, задерживались, забывали обещания и заставляли ждать. А я терпеть не могла ждать тех, на кого не имела права рассчитывать. Особенно если у этих тех был хвост и подозрительно серьёзные намерения.

Через двадцать минут я уже носилась по квартире со скоростью преподавателя крупного университета, который проспал в самый неподходящий день сессии. Кофе плескался в дорожной кружке, волосы пришлось собрать в пучок сомнительной конструкции, а в сумку отправились ведомости, ручки, флешка, распечатанные критерии оценивания и шоколадка для студентов.

Последнюю я, скорее всего, съем сама.

К девяти утра главный корпус университета гудел как улей. Наш университет был огромным, старым, уважаемым и в период сессии превращался в бюрократический организм, питающийся кофе, нервами и студенческими слезами.

В фойе толпились выпускники с папками и планшетами. По лестницам поднимались члены комиссий. У кафедры уже стояла очередь из студентов, которым срочно нужно было только уточнить один маленький вопрос, после которого обычно рушилось расписание на полдня.

— Марина Сергеевна! — поймала меня ассистентка кафедры. — Вторая ведомость у вас?

— У меня третья.

— А вторая?

— У профессора Королёва.

— Он говорит, что у вас.

— Конечно говорит. Это его защитная реакция.

В преподавательской пахло кофе и бумагой. Профессор Беляева уже успела сцепиться с Королёвым из-за критериев оценки выпускных работ, а заведующий кафедрой стоял у окна и, судя по выражению лица, мысленно прикидывал, переживёт ли факультет сегодняшний день.

— Коллеги, — произнёс он, не оборачиваясь, — Прошу работать слаженно.

Королёв хмыкнул.

— Тогда пусть Беляева не снижает баллы за оформление списка литературы.

— Если студент не способен оформить список литературы, — холодно ответила она, — он не должен получать диплом.

— Предлагаю не начинать войну до защиты. — поставила я сумку на стол — Иначе дипломы сегодня просто некому будет выдавать.

Заведующий наконец обернулся и коротко кивнул.

— Марина Сергеевна права. Начинаем.

Первая половина дня прошла за защитами. Студенты заходили группами, сменяя друг друга примерно с одинаковой скоростью. Комиссия слушала, задавала вопросы, спорила и периодически уходила совещаться. К обеду энтузиазма заметно поубавилось у всех. Я тоже держалась вполне прилично и почти перестала ждать подвоха от каждого второго научного термина.

До тех пор, пока очередной студент не заговорил о «биологически обусловленных социальных моделях». В памяти тут же всплыло совсем другое: «Земля — биологически совместимая среда», от чего я вздрогнула. Ручка хрустнула в пальцах. Беляева первой заметила обломок.

— Марина Сергеевна?

Я положила останки ручки на стол.

— Пластик устал.

Королёв мрачно кивнул.

— Понимаю.

К обеду я уже почти убедила себя, что ночной визит мне приснился. Дневная реальность была забита вещами куда привычнее инопланетян: ведомостями, оценками, защитами, письмами из деканата и студентами, которым срочно требовалось объяснить, почему их представления о собственной работе не совпали с выставленными баллами. В три часа ещё предстояло заседание по апелляциям.

А к вечеру я была уже не человеком, а преподавательским остатком. У меня болела спина, голова гудела, в сумке лежали ведомости, которые нельзя было потерять под страхом академического проклятия, а телефон показывал семь пропущенных сообщений от коллег.

Последнее сообщение было от Лены: *Ты сегодня странная. Всё нормально?*

Я могла написать правду: *Мне приснился хвостатый инопланетянин, который предложил улететь решать демографический кризис его галактики.* Написала: *Сессия.* Универсальное объяснение бледности, раздражительности и желания лечь возле деканата и больше ни в чём не участвовать.

Дома я сбросила туфли, пальто и сумку, включила чайник. Организм требовал душ, кровати и никаких контактов с цивилизациями до утра. И тут я вспомнила обещание Рима.

Днём. Через дверь.

А минут через десять обнаружила, что вместо фамилий прислушиваюсь к подъезду. Это уже никуда не годилось. Я отложила печенье.

Взрослая самостоятельная женщина, член экзаменационной комиссии, сидит на кухне и ждёт галлюцинацию с хвостом. Похоже, я не просто засиделась в девках. Я уже начала выбирать кандидатов из подсознания.

— Так. — устало потёрла переносицу поражаясь самой себе и вопросительно посмотрела на потолок — Я сейчас обиделась на галлюцинацию за опоздание?

И в этот момент в дверь постучали.

Джарим тор Брез

К полудню я был готов. По крайней мере, настолько, насколько вообще можно подготовиться к встрече с землянкой, которая накануне приняла тебя за галлюцинацию, пригрозила неизвестным бытовым оружием и всё-таки не выгнала сразу.

Последнее я предпочитал считать успехом.

Перед выходом проверил маскировочное поле и одежду. Хвост поле скрывало исправно, а вот земная куртка явно была рассчитана на мужчин скромнее меня размером. С выражением лица сделать ничего не удалось.

— Внешний вид соответствует местным нормам, — сообщил бортовой интеллект.

Я оценил отражение.

— Лжёшь.

— Вероятность положительного восприятия земными женщинами — сорок три процента.

— Значит, большинство сочтёт меня подозрительным.

— Верно.

Прекрасно.

С шоколадом всё оказалось сложнее. Обучающий модуль относил сладости к нейтральным знакам внимания, но на практике пакет уже дважды переключался с панели в мою руку и обратно. В конце концов я всё-таки взял его. Если Марина решит, что это подкуп, придётся признать: к такому развитию событий программа Сии и Маши меня не подготовила.

К её дому я подошёл в двенадцать сорок семь, как и обещал. Постучал, прислушался и почти сразу понял, что в квартире никого нет. Второй стук был уже бессмысленным, но я всё равно постучал.

Вот тогда и обнаружилась первая ошибка в моём плане.

У Марины была работа, свои дела и планы на день. Моё обещание зайти после полудня вовсе не обязывало её сидеть дома и ждать меня.

В обучающем модуле об этом почему-то не упоминалось.

Я настолько привык к укладу аситинских самок, что даже не подумал уточнить, где искать землянку днём. За вчерашний вечер удалось выяснить, как Марина реагирует на незваного аситина в квартире, что думает о хвосте и насколько быстро способна выставить гостя за дверь. Полезные сведения, но для организации второй встречи явно недостаточные.

Проще всего было вернуться вечером.

И я бы вернулся, если бы закрытая дверь не напомнила о Сие. Когда-то я уже решил подождать, разобраться в собственных намерениях и действовать наверняка. В результате пришёл тогда, когда она уже выбрала Амадана.

Одного раза мне хватило.

Связь с шаттлом прервала размышления.

— Тор Брез.

— Принимаю.

— Срочное возвращение. Флагман обнаружил неучтённый корабль в секторе наблюдения Земли.

Марина сразу отошла на второй план. Работа требовала другого.

Я задержался у двери лишь на мгновение.

— Вернусь.

После чего активировал переход.

Неучтённый корабль обнаружили возле старого земного спутника связи. Он использовал его излучение для маскировки, причём достаточно грамотно, чтобы сразу исключить случайного нарушителя.

На схеме отображался малый борт с тремя тепловыми сигнатурами и старым аситинским контуром маскировки. Такие системы давно сняли с военного учёта, хотя некоторые родовые группы всё ещё хранили их на складах.

Флагман быстро установил владельца.

— Борт зарегистрирован на младшую ветвь броста Аргет. Разрешения на участие в земной операции нет.

Аргет я знал. Старый род, серьёзные потери по женской линии и несколько проваленных брачных программ. Молодые самцы всё чаще уходили в дальний флот, не рассчитывая получить собственный дом и не желая дробить ресурсы броста.

Мотив искать долго не пришлось.

— Цель?

— Вероятно, сбор данных. Возможна попытка самостоятельного контакта с местными. Вот этого ещё не хватало.

— Разрешение на перехват?

— Действовать скрытно. Задержать. При угрозе похищения местных — любые меры.

— Великодушно.

Я вывел корабль Аргет на отдельный канал. Пока жители Земли занимались своими делами, понятия не имея о происходящем над их головами, представители Союза уже начали делить то, что им не принадлежало.

— Борт Аргет. Вы нарушили закрытый периметр операции. Отключите двигатели и приготовьтесь к досмотру.

Ответ задержался. Затем на экране появился молодой аситин. Судя по возрасту, достаточно взрослый, чтобы понимать последствия, и достаточно злой, чтобы всё равно сюда прилететь.

— Тор Брез, — процедил он. — Флот прячет шанс от тех, кому он принадлежит.

Вот теперь мотив стал окончательно понятен.

— Земля вам не принадлежит. Отключай двигатели.

Хвост всё-таки ударил по полу.

— Или что?

Глава 4. Щенячий приём запрещён протоколом

Через секунду его корабль сорвался с места. Одного преследователя пришлось принудительно посадить, второй потерял ход, третий ушёл к поверхности. Я догнал его уже на земле, в тёмном влажном лесу, где громкое оружие исключалось: следов оставлять нельзя, до ближайшего поселения радикала тоже нельзя было допустить.

Дальше преимущество техники закончилось. Дрался он хорошо, как и положено аситину, которому с детства внушали: пока за спиной род, отступать некуда.

Через несколько минут радикал лежал лицом в землю со скрученными руками, а я прижимал ладонь к распоротому боку.

— Они могли бы выбрать нас... — прохрипел он.

Я сильнее прижал его к земле, и желание продолжать разговор пропало. Флагман забрал задержанных через скрытый лучевой коридор, а я проверил местность, уничтожил следы вместе с обломками дрона и вернулся к шаттлу.

Шоколад обнаружился в кармане куртки в состоянии, мало совместимом с подарком. Упаковка лопнула, содержимое размазалось внутри.

Прекрасно.

Медицинский модуль встретил меня привычной заботой:

— Контактная миссия должна быть приостановлена до полной регенерации тканей.

— Нет.

— Рана требует обработки.

— Обрабатывай.

— Рекомендован покой.

— Отказ.

Система сообщила, что после ранения вероятность нерациональных решений повышается. Полезность наблюдения я оценивать не стал.

— В досье объекта контакта отмечена высокая эмпатия. Также указана склонность помогать раненым и положительная реакция на крупных дружелюбных животных.

Я покосился на повязку. Кровь уже проступила сквозь край медицинского материала.

Низары.

Использовать ранение ради сочувствия землянки было недостойно офицера и взрослого аситина. Я его для этого не получал и вообще предпочёл бы обойтись без ножа под рёбрами. Но если Марина сама заметит кровь и сделает из этого какие-то выводы, мешать ей я тоже не обязан.

Хвост шевельнулся у края платформы.

— Это ведь не считается манипуляцией.

Медицинская система ответа не дала. Видимо, даже у неё имелись пределы допустимого вмешательства в чужую совесть.

Пока модуль заканчивал обработку раны, я пересмотрел план второго контакта. Первый уже показал, чего делать не следует. Сегодня добавилось ещё несколько полезных сведений: Марины не оказалось дома, возле её дома появились радикалы, а мне пришлось выяснить, насколько хорошо земная сталь входит в аситина.

Последнее особенно не понравилось.

Земля слишком быстро становилась ценной для Союза. Старшие бростов, молодые самцы, угасающие линии — желающих решить свои проблемы за счёт земных женщин становилось всё больше. Самих женщин пока никто не спрашивал, хотят ли они участвовать в спасении чужой цивилизации.

Сия с Машей именно поэтому годами вбивали в нас одно и то же правило. Землянка имеет право отказаться.

Теперь оно касалось меня лично.

Марина могла выбрать другого или вообще никого не выбрать. И это будет ее право если после следующей встречи она захочет закрыть передо мной дверь и больше её не открыть. Мне это не нравилось, но право выбора имело смысл только тогда, когда сохранялось и при неудобном для меня ответе.

Я открыл досье ещё раз. Преподавательница, высокая эмпатия, склонность помогать тем, кто оказался в затруднительном положении.

С профессией мне, пожалуй, повезло. Преподаватели привыкли иметь дело с теми, кто приходит неподготовленным, допускает ошибки и не понимает с первого раза.

Учиться я умел. Правда, сегодняшний урок обошёлся ножом под рёбра, потерянным шоколадом и срочным пересмотром всей методики знакомства.

Я спустил ноги с платформы и поднялся. Бок тут же отозвался болью. Хорошо. По крайней мере, изображать пострадавшего не придётся.

— Тор Брез, ваше поведение отклоняется от обучающего протокола, — сообщила система. — Рекомендуются не использовать эмоциональные особенности землянки для получения доступа.

— Я ничего не использую.

— Вы намерены позволить ей увидеть ранение, зная о её склонности помогать пострадавшим.

Я помолчал.

Проклятье.

— Ты слишком много анализируешь.

— Это моя функция.

— Выполняй её молча.

Система отключилась.

Я натянул куртку и застегнул её, оставив верх свободным. Повязка всё равно немного выглядывала, но прятать её специально я не собирался. Ранение существовало независимо от моих намерений, болело тоже вполне самостоятельно, а значит, хотя бы в этой части моя совесть могла не вмешиваться.

Тем более прежний опыт уже показал, к чему приводит чрезмерная осторожность.

Мысли вернулись в прошлое. С Сией я держал дистанцию, старался соблюдать правила и слишком долго ждал подходящего момента. Амадан ждать не стал. Вошёл в её жизнь с деликатностью штурмовой группы, пережил последствия и в итоге получил то, чего хотел.

Второй раз наблюдать подобное со стороны я не собирался.

Сейчас Марина потребовала приходить через дверь — значит, буду приходить через дверь. Просила не приближаться без разрешения — не приближусь. Остальное придётся выяснять по ходу дела. Земные правила ухода за прошедшие годы понятнее не стали, зато теперь у меня была инструкция и достаточно опыта, чтобы не спорить с ней раньше времени.

К вечеру я снова поднялся на нужный этаж.

Рана ныла при движении, кровь на повязке успела подсохнуть. Из квартиры доносился запах Марины, к которому примешивались чай, бумага и что-то сладкое. Она была дома. Судя по изменениям запаха, моё появление тоже уже обнаружила.

Я остановился перед дверью и постучал.

Как обещал.

Замок щёлкнул через несколько секунд. Дверь открылась ровно настолько, насколько позволяла цепочка, и в щели появилась Марина. Волосы собраны кое-как, на щеке остался

слабый след то ли от руки, то ли от бумаги. Выглядела она уставшей и не особенно довольной моим появлением.

— Ты, — сказала она. — Днём надо было приходить днём.

— Я приходил. В двенадцать сорок семь.

— Я была на работе.

— Теперь знаю.

Марина нахмурилась. Похоже, тот факт, что инопланетянин действительно явился в назначенное время, а теперь ещё и воспользовался дверью, несколько осложнял подготовленные для меня претензии.

Я уже собирался спросить разрешения войти, когда бок дёрнуло болью. Мышцы отреагировали раньше, чем я успел скрыть это. Раздражение в её запахе сразу ослабло, уступая тревоге. Взгляд скользнул ниже и остановился на краю повязки.

— Ты ранен?

Вот теперь сведения из досье действительно пригодились.

— Немного.

Она прищурилась.

— Покажи.

Я послушно расстегнул куртку ещё немного. Для аситина ранение было пустяковым, но Марина об этом знать не могла. Несколько секунд она рассматривала повязку, потом подняла глаза на меня, и прежней решимости оставить незваного гостя за дверью в них заметно поубавилось.

Низары. Похоже, система всё-таки была права насчёт манипуляции.

— Ты ранен? — спросила она.

Я честно кивнул.

— Да.

Она несколько секунд смотрела на меня через узкую щель. Потом выругалась себе под нос, закрыла дверь ровно настолько, чтобы снять цепочку, и снова приоткрыла её — уже шире. Но не настолько, чтобы это можно было считать приглашением.

— Покажи.

— Здесь?

— А ты предлагаешь мне лечить тебя через дверную щель?

Её тревога усилилась. Пальцы крепче обхватили край двери, а запах сочувствия стал заметнее. Идея воспользоваться этим была сомнительной, но после всего произошедшего требования к собственному поведению у меня заметно снизились.

Я осторожно приблизился. Землянка напряглась, однако дверь не закрыла, поэтому я сделал ещё шаг и слегка наклонился, сокращая разницу в росте. Если мои наблюдения были верны, сейчас она видела перед собой не опасного аситина, а раненого самца, которого почему-то требовалось немедленно спасать.

Этим следовало воспользоваться. Я наклонился ещё немного и осторожно прислонился лбом к её плечу. Землянка перестала дышать. Кажется, я несколько переоценил эффективность выбранного метода.

— Джарим... — очень медленно произнесла она.

Голос был странный, скорее растерянный. Хороший признак. Наверное.

— Мне больно, — сказал я тихо.

Я почувствовал как шевельнулись ее плечи, когда она сделал глубокий вздох.

— Ты сейчас серьёзно? — я закрыл глаза и позволил себе чуть сильнее опереться лбом о её плечо, ровно настолько, чтобы она почувствовала: я большой, раненый, виноватый и очень стараюсь. — Ты только что использовал меня как подушку?

— День был тяжёлый.

Несколько секунд стояла тишина. Потом она шумно вдохнула

— Господи...

Я почувствовал, как её раздражение борется с сочувствием, и последнее побеждает. Окончательно. Безнадёжно. Великолепно.

Она распахнула дверь шире.

— Заходи, пока не свалился мне тут в подъезде. Только без фокусов. И если ты сейчас умрёшь у меня в прихожей, я очень сильно обижусь.

Я поднял голову.

— Это приглашение? — не поверил я своим ушам.

— Это временный допуск раненого инопланетного недоразумения.

— Принято.

Спорить с формулировкой не стал и переступил порог. После закрытой в обед двери, радикалов над Землёй, ножа под рёбра и самого длинного дня за последние месяцы даже такой допуск можно было считать успехом.

Небольшим, но вполне достаточным.

— Садись.

С этим возникла проблема. Единственным подходящим местом оказался маленький пуфик у стены, явно не рассчитанный на асину моих размеров.

— Ты размером с шкаф, — признала Марина, оценив наши шансы примерно так же.

Я предложил остаться стоять, но ранение оказалось для неё более весомым аргументом, чем моё происхождение и способность переносить подобные повреждения. В конечном итоге я сел, куда она указала. Пуфик жалобно скрипнул.

— Только не сломай. Он из магазина по акции.

Пришлось перераспределить вес и больше не двигаться. Судя по выражению лица Марины, получилось даже слишком хорошо.

— Вот теперь ты реально похож на огромного виноватого пса.

Понятия не имел, кто такой пёс, но уточнять не стал. Первый опыт показал, что попытка разобраться в земных сравнениях обычно порождает больше вопросов, чем ответов.

Марина достала аптечку, вернулась и присела передо мной.

— Показывай.

Я расстегнул куртку. В конце концов, ради возможности остаться в её доме можно было пережить и пуфик, и пса, и статус хвостатой катастрофы.

— Это не обязательно.

Она подняла глаза.

— Джарим.

Командный тон я уже слышал от нее предыдущей ночью. Наверное примерно таким она пользовалась со студентами, когда возражения больше не принимались. Пришлось подчиниться. Какая властная самочка.

Увидев кровь, она резко втянула воздух.

— Ничего себе «не обязательно»... — после этого обрабатывать рану она стала осторожнее, а запах сочувствия заметно усилился.

Я чуть опустил голову, предоставляя ей удобный доступ, хотя необходимости в этом уже не было.

Впрочем, жаловаться я не собирался. Дверь закрыта, она рядом, её пальцы осторожно касаются моей кожи. Ради такого результата небольшая рана была вполне приемлемой ценой.

Глава 5. Раненый аситин и священный чайник

Марина

— Пока да, — сказала я и сразу поняла, что зря.

Джарим воспринял временное разрешение остаться в прихожей с таким удовлетворением, словно только что получил официальное подтверждение хорошего поведения.

— Не радуйся. Я ещё не решила, что с тобой делать.

— Перевязать, — предложил он.

— Не командуй.

Он послушно замолчал, а я открыла аптечку и вывалила на пол всё богатство земной бытовой медицины: бинт, перекись, пластыри, обезболивающее, мазь от ожогов, несколько ватных дисков и непонятно откуда взявшийся леденец от горла.

Джарим изучил содержимое.

— Это лечебный набор?

— Это аптечка нормального человека.

По его лицу было понятно: нормальность человечества только что оказалась под большим вопросом.

— У тебя нет регенерационного геля?

— У меня есть зелёнка.

— Что это?

— Земная месь повреждённой коже.

Он нахмурился.

— Шучу. — хмыкнула я, но потом пакостливо добавила — Почти.

С курткой пришлось повозиться. Ткань прилипла к боку, и стоило добраться до раны, как моя преподавательская бодрость закончилась.

Разрез под рёбрами оказался глубоким. Кровь — тёмной, густой и вполне настоящей. В общем, вместо загадочного инопланетянина судьба подкинула мне в прихожую потенциальное уголовное дело.

— Отлично, — пробормотала я, качая головой.

— Это плохо?

— Конечно нет. — протянула с сарказмом — У меня каждый вторник здесь сидят раненые мужчины с другой планеты. Я даже коврик специальный купила.

Джарим опустил глаза.

— Я его испачкал. — и выглядел при этом таким растроеным, я даже оторвалась от бинта, чтобы насладиться бесплатным зрелищем — Я нанёс ущерб твоей территории.

Господи.

— Это коврик из супермаркета. — прочистила я горло, вид растроеного двухметрового качка это вам не шутки — Он стоил дешевле моего обеда.

— Обед тоже важен.

Спорить с раненым инопланетянином о ценности коврика мне ещё не приходилось, поэтому я решила считать это новым жизненным опытом и занялась раной.

Перекись он перенёс молча. Только пальцы на колене сильнее сжались, когда я добралась до края разреза. С бинтом получилось хуже. Мои медицинские таланты закончились примерно там же, где школьные уроки труда, поэтому повязка вышла надёжной исключительно по моему личному мнению.

Джарим осмотрел результат.

— Это должно так выглядеть?

— Раненым критиковать запрещено.

Я затянула узел, и он шумно выдохнул, на кухне завибрировал телефон.

— Только не сейчас...

— Опасность?

— Староста группы.

— Это воинское звание?

— Хуже.

Сообщение оказалось именно таким, какого я ожидала. *Марина Сергеевна, простите, а завтра консультация точно в десять? А можно ещё раз прислать исправленную презентацию? Там всего сорок восемь слайдов.*

Я положила телефон экраном вниз.

— Я увольняюсь.

Из прихожей немедленно отозвались:

— С работы?

— Из жизни.

После небольшой паузы Джарим уточнил:

— Это фигура речи?

— Пока да.

Когда я вернулась, он всё ещё сидел там, где оставила. Уже достижение. На полу остались кровавые пятна, поэтому пришлось идти за шваброй. Не хватало ещё утром объяснять самой себе, почему коридор выглядит как место преступления.

— Ты всегда делаешь это сама? — спросил Джарим.

— Что именно?

Он обвёл прихожую взглядом, явно затрудняясь выбрать что-то одно.

— Дом. Работа. Еда. Лечение. Всё.

— Обычно люди так и живут.

Судя по его лицу, люди жили неправильно.

— А твой брост?

— Мой кто?

— Род. Семья. Те, кто отвечает за твоё благополучие.

Я продолжила оттирать пол.

— Мама в другом городе. Папа умер. Братьев и сестёр нет. Тётя раз в месяц звонит узнать, почему я до сих пор не замужем. Вроде все.

Вот теперь Джарим явно перестал интересоваться ковриком.

— Ты живёшь одна?

— Как видишь.

— А если заболеешь?

— Пью чай, принимаю таблетки. Если совсем плохо, беру больничный.

Телефон снова завибрировал.

Я покосилась на него.

— И отвечаю студентам.

Джарим выпрямился.

— Это неправильно.

— Добро пожаловать на Землю.

Но его мой ответ не устроил.

Для аситина, как выяснилось, взрослая женщина, самостоятельно оплачивающая квартиру, таскающая продукты, работающая с температурой и лечущая себя содержимым аптечки из супермаркета, была не образцом независимости, а свидетельством серьёзного общественного сбоя.

— Если самка истощена, брост или опекун должен это заметить.

— Нет у меня ни мужчины, ни опекуна, Джарим.

Он явно пытался уложить новую информацию в привычную картину мира.

Получалось плохо.

— Никого?

— Очередь желающих разделить со мной ипотеку, сессию и мусорный пакет пока не выстроилась.

Его внимание немедленно переместилось на пакет у двери.

Зря я про него вспомнила.

— И ты считаешь это нормой?

— Я считаю это жизнью.

Вот тут мне впервые стало немного не по себе.

В его реакции не было ни жалости, ни привычного земного «бедная женщина, сейчас мы тебя спасём». Для Джарима всё услышанное действительно выглядело неправильным. Причём настолько, что я предпочла не выяснять подробности.

Чайник казался куда безопаснее.

— Тебе чай?

— Я не знаю, можно ли мне земной чай.

— Прекрасно. Значит, будешь морально поддерживать атмосферу.

— Я могу помочь.

— Можешь не умереть. Уже помощь.

На этом я ушла на кухню, поставила чайник и заодно попыталась привести в порядок остатки собственной жизни: переложила ведомости, убрала крошки со стола, заглянула в холодильник, убедилась, что там по-прежнему грустно, и достала печенье.

Когда обернулась, Джарим стоял в дверях.

С мусорным пакетом.

— Ты издеваешься?

— Нет. Я вынесу и вернусь.

— Ты ранен.

— Я адаптировал приказ к обстоятельствам.

Вот ведь зараза. Я подошла и ткнула его пальцем в грудь.

— Слушай сюда, адаптатор. У меня сегодня был день длиной в три жизни. Если ты сейчас выйдешь в подъезд, напугаешь тётю Валю или случайно откроешь межгалактический портал в мусоропровод, я просто сяду на пол и начну орать.

Он подумал и вернул пакет на место.

— Я не хочу, чтобы ты орала. Но мусор всё ещё полон.

— Мы все полны чего-то, Джарим. Учись жить с этим.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз звонила Лена.

— Только молчи.

Для надёжности я предложила ему печенье. Он отказался, а мне пришлось следующие несколько минут решать рабочие вопросы, которые почему-то не интересовало наличие в моей прихожей раненого представителя внеземной цивилизации.

Когда разговор закончился, Джарим всё-таки сидел.

Послушно.

— У вас часто так?

— Как?

— Работа продолжается после работы.

— А. Это не «так». Это база.

— База?

Я потянулась за кружкой.

— Основа существования преподавателя.

Джарим нахмурился. По его мнению, подобное отношение к собственному организму явно нарушало сразу несколько разумных законов.

— Почему никто не ограничивает твою нагрузку? Ты истощена.

Улыбка пропала сама собой.

— Не начинай меня нюхать.

Он явно хотел возразить, но вовремя передумал.

За это уже можно было поставить первый плюс в его земной адаптации.

— Я не могу этого не чувствовать, — всё-таки произнёс он. — Для аситинов запах — часть восприятия. Как зрение.

— А у людей иногда принято замечать и делать вид, что не заметил.

— Зачем?

Вот теперь пришлось задуматься мне.

— Потому что не каждый человек хочет обсуждать своё состояние. Иногда ему надо, чтобы его просто оставили в покое.

— Даже если ему плохо?

— Иногда именно поэтому.

Судя по выражению лица, программа дала сбой. Аситинская логика требовала немедленно помогать тому, кому плохо. Земная предлагала сначала выяснить, нужна ли эта помощь вообще.

Бедный космический отличник. А ведь мы только начали.

Я поставила перед ним стакан воды.

— Пей.

Джарим осторожно взял стакан и сделал глоток.

— Вкус странный.

— Вода из-под фильтра.

— Он неисправен?

— Нет. Просто это Земля. Тут фильтр не чудотворец.

Я встала за чаем и услышала за спиной подозрительный треск.

Пуфик под Джаримом просел.

— Только не двигайся.

Совет опоздал. Он попытался подняться, мебель жалобно скрипнула и окончательно капитулировала.

Через секунду двухметровый аситин сидел на полу среди её останков.

— Я возмещу ущерб твоей территории, — поспешно заверил он.

Я зажала рот ладонью.

— Марина?

Всё.

Сессия, кровь, инопланетяне, бросты, щенки, мусор, а теперь ещё и павший смертью храбрых пуфик — организм решил, что на сегодня с него хватит.

Я расхохоталась.

Джарим сидел среди обломков и явно пытался определить, требуется ли мне медицинская помощь.

— Это плохая реакция?

— Нет. Очень земная.

Он немного успокоился, оглядел последствия своего знакомства с мебелью и сообщил:

— Я победил.

Пришлось отвернуться, потому что меня снова разобрало.

— Всё. Оставайся на полу. Он крепче. И ничего больше не трогай.

Джарим покосился на чайник.

— Его тоже?

— Особенно его. Он священен.

Это он воспринял без единого вопроса. Видимо, после знакомства с земной водой и мебелью решил больше ничему не удивляться.

Я взяла бинт, присела перед ним и проверила повязку.

— Вообще-то у нас знакомство редко начинают с ножевого ранения и уничтожения интерьера.

— Я стараюсь адаптироваться.

— Заметно.

С повязкой всё было нормально. По крайней мере, один объект в моей квартире пережил встречу с инопланетянином без новых повреждений.

— Ты правда всё делаешь сама? — спросил Джарим.

Руки на бинте задержались.

Можно было отшутиться. Сказать, что все так живут, и закрыть тему. Но вопрос прозвучал без жалости и без попытки снова сообщить мне, насколько я устала.

Просто вопрос.

— В основном да.

Он несколько секунд обдумывал ответ.

— Тогда я буду учиться.

— Чему?

— Помогать так, чтобы тебя не пугать.

Вот ведь зараза.

Я опустила глаза к повязке и затянула край бинта.

— Для начала научись не ломать мебель.

— Начну с этого.

— Молодец.

И только после этого поняла свою ошибку. Джарим воспринял похвалу с такой серьезностью, будто только что успешно сдал первый экзамен по Земле.

Глава 6. Радикалы, нож под рёбра и деканат

Джарим тор Брез

Марина вернулась к бумагам, а я — к вопросу, который никак не удавалось закрыть так же легко, как служебный отчёт.

Последние дни я наблюдал, как она одновременно проверяет работы студентов, воюет с деканатом, забывает поесть и воспринимает постоянную перегрузку как нормальный образ жизни. Разобраться с этим хотелось уже из профессионального упрямства.

Но сейчас меня больше занимало дальнейшее общение с ней.

Обучающий модуль на этот счёт был предельно ясен: контакт установлен, дальше следует наблюдать и уважать выбор землянки. Никакого давления, манипуляций и попыток подтолкнуть её к нужному решению. После истории Сии этот раздел программы нам объясняли особенно тщательно.

Инструкции были разумными. Жаль, вспомнил я о них уже после того, как оказался на полу чужой кухни с ножевым ранением, вполне сознательно добившись возможности остаться.

Теперь полагалось ждать решения Марины.

Именно с этим возникли сложности.

— Нет. Нет-нет-нет. Это уже преступление против оформления.

Марина что-то яростно зачеркнула.

— Что случилось?

— Студент решил, что список литературы можно оформить сердечками.

О сердечках я знал примерно столько же, сколько о правилах оформления земных научных работ, но её возмущение выглядело серьёзным.

— Зачем?

— Если бы я знала ответ, давно бы защитила докторскую по психологии.

Она снова занялась бумагами, а я наконец понял одну важную вещь.

Марина постоянно задавала вопросы.

Вчера я появился без приглашения и сообщил достаточно невероятных вещей, чтобы любой разумный человек закрыл передо мной дверь. Сегодня ситуация повторилась. Она могла выставить меня несколько минут назад, однако вместо этого выясняла, зачем я пришёл, почему выбрал её и что собираюсь делать дальше.

Вот почему я до сих пор находился здесь.

Ей было интересно.

Большинство самцов Союза на моём месте начали бы убеждать землянку в преимуществах Аттеры, рассказывать о безопасности, условиях жизни и собственных достоинствах. После чего ожидали бы разумного, по их мнению, решения.

Идиотский подход.

Марина преподаватель. Она привыкла задавать вопросы, искать ответы и делать выводы самостоятельно. Чем настойчивее я буду что-то доказывать, тем быстрее превращусь в очередного самца, уверенного, что женщине достаточно правильно изложить аргументы.

Значит, убеждать её не надо.

Пусть спрашивает.

Марина тем временем пыталась одновременно открыть файл, ответить на сообщения и доест печенье. Получалось не всё, но отказаться хотя бы от одного занятия она явно не собиралась. За вечер я уже понял: препятствия Марина воспринимала как повод приложить больше усилий. Могла ворчать, ругаться и угрожать технике расправой, но в итоге всё равно добивалась своего.

Я следил за ней уже без прежнего напряжения и вдруг заметил ещё одну перемену. Она спокойно тянулась к кружке, переключала документы, печатала и больше не контролировала каждое моё движение. Несколько часов назад любое приближение заставляло её настораживаться. Теперь моё присутствие перестало мешать ей заниматься своими делами.

Хороший знак.

И тут я вспомнил стакан воды.

Проклятье.

Для Марины это был обычный жест. Человек хочет пить — ему дают воду. Никаких обязательств, скрытых смыслов и последствий.

У аситинов всё было сложнее.

Едой и напитками никто делиться не запрещал, но за тысячелетия такие жесты слишком тесно связались с заботой, а забота у нас почти неизбежно влекла за собой ответственность.

Я ещё мальчишкой наблюдал, как на праздниках броста младшие самцы соревновались за право отнести поднос старшим женщинам рода. Позже они приносили еду своим астниерам, заботились о парах, кормили детёнышей. Тогда и становилось понятно, почему совершенно обычное действие для аситина могло означать гораздо больше, чем для землянки.

Марина просто поставила передо мной воду и продолжила работать.

Для неё ничего не произошло.

По крайней мере, когда она предложила печенье, мне хватило ума отказаться. Небольшое достижение, учитывая, что первой реакцией было взять.

Автоматически.

Примерно так же когда-то Сия принимала еду из рук Амадана, не подозревая, почему половина столовой следит за ними с таким интересом.

Марина о наших традициях пока не знала. И объяснять их сейчас я точно не собирался. После ночного появления в её спальне мне и без того хватало сомнительных решений на один контакт.

— Почему ты так смотришь?

Я отвлёкся. Марина наблюдала за мной поверх монитора.

— Как?

— Как человек, который что-то задумал.

Скрывать намерения от преподавателя оказалось ненамного проще, чем от военной разведки.

— Ничего я не задумал.

— Ага.

— Правда.

— Ещё хуже.

Она вернулась к ноутбуку, а я вспомнил старого инструктора, который когда-то вёл у молодых офицеров курс взаимодействия с гражданскими мирами.

Один из нас спросил, как убедить человека сотрудничать.

Инструктор рассмеялся.

— Большинство самцов совершают одну ошибку. Начинают продавать себя.

Тогда формулировка показалась мне бессмысленной. Теперь я понял, что имел в виду инструктор. Марине не требовался перечень моих достоинств. Достаточно было не мешать ей задавать вопросы.

Хвост довольно дёрнулся.

Предатель.

— Почему ты постоянно ругаешься на свой хвост? — спросила Марина.

— Потому что он участвует в принятии решений чаще, чем хотелось бы.

Она рассмеялась.

Я невольно усмехнулся в ответ и посмотрел на часы. Мы просидели здесь гораздо дольше, чем я рассчитывал.

Марина всё ещё работала, окружённая документами, сообщениями и таблицами. Стоило ей закончить с одним, появлялось следующее. Наблюдая за ней весь вечер, я наконец понял, что решал не ту задачу.

Я пытался заинтересовать её Аттерой, Союзом, технологиями, другими расами. Собирался рассказывать о своём мире, хотя сам почти ничего не знал о её.

Кухню я уже изучил. Как и её привычку ругаться на документы, любовь к собакам и способность переходить от испуга к вопросам с поразительной скоростью. Этого хватало для первого контакта, но совершенно не хватало, чтобы понять Марину.

Я понятия не имел, как проходит её обычный день, как она разговаривает со студентами, почему деканат вызывает у неё такую реакцию и откуда ежедневно берётся столько людей, которым от неё что-то нужно.

Для человека, привыкшего собирать информацию перед любой операцией, результат был неудовлетворительным.

Причина тоже обнаружилась быстро.

Меня больше не интересовал объект контакта или потенциальная участница программы. Я хотел узнать конкретную женщину, которая обладала странным чувством юмора, спорила со мной даже после испуга и каким-то образом умудрялась взваливать на себя объём работы, при котором логистический центр Союза уже запросил бы дополнительный персонал.

— Ты опять задумался.

Марина смотрела на меня поверх монитора.

— Возможно.

— Это начинает пугать.

— Меня тоже.

Она хмыкнула и вернулась к работе. Любопытно. Раньше подобный интерес я без колебаний назвал бы сбором данных. Хорошее профессиональное определение, избавляющее от лишних вопросов.

Только сейчас оно не подходило.

Данные собирают для выполнения задачи. Мне же хотелось узнать Марину независимо от того, пригодится полученная информация или нет.

Не самое удобное открытие. Некоторое время я наблюдал, как она работает, а потом вспомнил совет инструктора. Если рассказывать о собственных достоинствах бессмысленно, можно хотя бы проявить интерес к её жизни.

— Марина.

— М-м?

— Завтра ты работаешь?

— Конечно.

— Весь день?

— К сожалению.

Этого хватало.

— Можно мне пойти с тобой?

Марина перестала печатать и подняла голову.

— Что?

— На работу.

— Зачем?

Вопрос был разумным. Ответ — значительно хуже.

Я хотел увидеть её мир. Не эту кухню, где моё присутствие само по себе меняло её поведение, а обычную жизнь Марины: студентов, коллег, работу, людей, с которыми она проводила

большую часть дня. Понять, какой она бывает, когда рядом нет аситина, прибывшего с предложением познакомиться поближе.

Сообщать всё это сейчас не стоило.

— Любопытно.

Марина закрыла ноутбук и посмотрела на меня с выражением, которое я уже научился считать предвестником большого количества вопросов. Похоже, завтра знакомиться предстояло уже не ей, а мне.

Глава 7. Ты себя в зеркало видел?

Марина

Я закрыла ноутбук и посмотрела на Джарима. Похоже, где-то за последние сутки мой инстинкт самосохранения окончательно махнул на меня рукой.

Нормальная женщина вряд ли стала бы среди ночи сидеть на собственной кухне с двухметровым инопланетянином, которого ещё вчера предпочла бы рассматривать с безопасного расстояния. А уж после того, как несколько часов назад этот самый инопланетянин сложился пополам у её двери и уткнулся лбом ей в плечо, нормальная женщина наверняка задумалась бы о происходящем чуть серьёзнее.

Я старалась не задумываться.

Получалось плохо. Память услужливо подсовывала и тяжесть его головы на моём плече, и широченные плечи, и клыки, и хвост. Джарим при желании мог одной рукой свернуть шею большинству жителей моего подъезда, а я в тот момент даже не испугалась.

Вчера при одном взгляде на него хотелось на всякий случай запомнить расположение ближайшего выхода. Сегодня я сидела напротив него на кухне и всерьёз размышляла, можно ли завтра взять инопланетянина с собой в университет.

Вот до чего мы докатились.

— Любопытно говоришь... — потёрла я переносицу.

По лицу Джарима было понятно, что лишнее он уже сказал и теперь пытался придумать, как выбраться из разговора без дальнейших потерь. За сегодняшний вечер я успела неплохо изучить это выражение.

А вот с хвостом у него дела обстояли значительно хуже.

В начале разговора маскировка ещё держалась, но теперь длинный тёмный хвост спокойно лежал возле ножки стула и периодически подёргивался, выдавая настроение хозяина куда охотнее, чем его невозмутимая физиономия.

Я некоторое время наблюдала за ним, пока Джарим старательно делал вид, что ничего необычного не происходит. Возможно, он действительно забыл о хвосте. Хотя вариант, что он рассчитывал на мою невнимательность, нравился мне гораздо больше.

— Твой хвост опять тебя выдаёт.

Джарим опустил глаза и тут же приобрёл настолько обречённый вид, что я едва удержалась от смеха. По тёмной поверхности пробежала серебристая рябь, и хвост исчез.

Я покачала головой.

Удивительное всё-таки существо. Между звёздами путешествует, пользуется технологиями, которые в моём университете приняли бы за магию, умудряется прятать космический корабль посреди леса, а собственный хвост контролировать до сих пор не научился.

Но собственный хвост контролировать не может. Потрясающе.

— Ну вот.

— Что?

— Значит, проблема всё-таки не в хвосте.

Он нахмурился.

— А в чём?

Я окинула его взглядом с головы до ног. До сих пор не понимала, как он вообще умудрился тогда сложиться пополам в дверях. Это же физически неудобно. Наверное. Хотя, судя по его размерам, неудобно тогда было исключительно мне.

— Джарим... Ты себя в зеркало видел? И тебя ничего не смущает?

Он задумался.

— Ты же видела. Хвост я могу спрятать.

Я тяжело вздохнула. Ну конечно.

— Да при чём тут хвост?

— Разве проблема не в нём?

Как ему ещё объяснить... поделикатнее? Проблема была даже не в росте. Рядом с ним моё тело упрямо вспоминало, что я маленькая, одна, а дверь он перекрывает лучше любого замка. Разум требовал разговаривать нормально. Инстинкт предлагал не делать резких движений.

— Ты огромный, — других слов у меня не нашлось. — И вообще страшный!

— Благодарю.

Чего я вообще ожидала?

— Это не комплимент.

— Почему?

Я всмотрелась в его лицо, он спрашивал абсолютно серьёзно.

— Потому что ты выглядишь... м-м-м... угрожающе.

Джарим явно воспрял.

— Благодарю.

— Да прекрати ты благодарить! — я всё-таки хлопнула ладонью по столу.

— Но это комплимент.

— Нет!

— Для аситина — да.

Я уставилась на него. Джарим смотрел в ответ с таким искренним недоумением, что спорить становилось трудно.

— Подожди. То есть ты считаешь, что выглядеть угрожающе — это хорошо?

— Конечно. — Он произнёс это с такой уверенностью, будто объяснял очевидное. — Угроза для врагов означает безопасность для своих.

Возразить хотелось, но я неожиданно поняла, что спорить особо не с чем. Логика у него была своеобразная, насквозь инопланетная, однако по-своему вполне разумная.

Я невольно оглядела его ещё раз. Широкие плечи, невозмутимое лицо, хвост, недавно скрывшийся из виду. При первой встрече всё это действительно пугало. Правда, впечатления хватило ненадолго. Слишком сложно бояться существа, которое успело перед тобой извиниться, наговорить глупостей, получить ножом в бок, а потом ещё и искренне возмутиться несправедливостью окружающего мира.

После сегодняшней ночи образ опасного пришельца окончательно потерял убедительность. Несколько часов назад этот двухметровый кошмар мирно устроился у меня под боком вместо подушки и жаловался на рану с таким несчастным видом, что его хотелось скорее пожалеть, чем опасаться.

Нет. Что-то здесь определённо не сходилось. Я покачала головой.

— Нет.

Он нахмурился.

— Что нет?

— Ты не страшный.

Он удивлённо посмотрел на меня и нахмурился, словно я только что нанесла ему личное оскорбление в лучших традициях межгалактической дипломатии.

— Не страшный?

— Не в том смысле.

— В каком?

— Господи... — я уронила голову на руки, пытаюсь собрать в одну связную мысль всё, что происходило на моей кухне.

Объяснение земных комплиментов инопланетянам определённо заслуживало отдельного круга ада. Желательно с практическим экзаменом в конце.

За последние пару часов хвост, клыки и даже сам факт присутствия представителя другой цивилизации успели заметно опуститься в списке вещей, способных меня удивить. Теперь куда интереснее было понять, зачем двухметровому пришельцу, который мог рассказывать о космосе, Аттере и технологиях, понадобилось смотреть, как я принимаю экзамены у студентов.

Из всех возможных развлечений на Земле он выбрал именно это. И, что совсем уж подозрительно, идея почему-то не казалась мне такой ужасной, какой должна была.

Я подняла голову. Джарим терпеливо ждал ответа, явно успев пережить восторг от моего признания его достаточно угрожающим.

— Ладно, — протянула я. — Допустим.

Он тут же подался вперед.

— Допустим?

Вот ведь хвостатое счастье.

— Рано радуешься. Я сказала «допустим». До «давай завтра приведём двухметрового инопланетянина в университет и проверим, как быстро деканат вызовет охрану» мы ещё не дошли.

Скрывать радость Джарим попытался. Зря. Получалось у него отвратительно.

Джарим тор Брез

Я смотрел на Марину и с трудом удерживал довольную улыбку. Судя по её прищуре, получалось плохо.

Улетать она не согласилась, доверять мне безоговорочно тоже, но категоричного отказа я не получил. За годы знакомства с землянками успел усвоить: пока женщина не послала тебя окончательно, переговоры продолжаются.

Уже достижение.

Я устроился в кресле поудобнее, пытаюсь изобразить взрослого разумного аситина, достойно принимающего неопределённый ответ.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Как ребёнок, которому разрешили взять домой дракона.

— Я выгляжу именно так?

— Даже хуже.

Спорить не стал. Марина была права, да и затевать спор в тот момент, когда она ещё могла согласиться, казалось стратегически неразумным.

Она отложила ручку и скрестила руки на груди.

— Ладно. Зачем?

— Что зачем?

— Не притворяйся. Зачем тебе это? У тебя космос, другие планеты, инопланетные технологии, Галактический союз... а ты хочешь смотреть, как я принимаю экзамены у студентов?

Марина изучала меня ещё несколько секунд.

— Мне интересно увидеть тебя в твоём мире. — я честно ответил.

Вот теперь она отвлеклась на кружку. Межзвёздные перелёты Марина обсуждала куда спокойнее, поэтому развивать тему я не стал.

— И университет мне тоже интересен.

— Почему?

— Я до сих пор не понимаю, зачем столько разумных существ добровольно собираются в одном месте и мучают друг друга документами.

Она расхохоталась — впервые за вечер легко, без привычной настороженности.

— Хорошо. Тут ты недалёк от истины.

И тут я вспомнил видеолекции Сии. Триста сорок два правила общения с землянками, большую часть которых когда-то считал избыточными. Похоже, раздел «Не будьте паразитом. Участвуйте в обмене» всё-таки заслуживал внимания.

— Тогда нужен честный обмен. — веселье на лице Марины сразу сменилось подозрением, но я продолжил — Ты показываешь мне университет, а я тебе корабль.

Ручка застыла у неё в пальцах.

— Космический корабль?

— Других у меня нет.

Я замолчал, ожидая её реакции. Предложение было разумным только на первый взгляд. На самом деле я только что дал ей повод снова вспомнить, что это не обычное знакомство, а корабль, чужая планета и выбор, к которому она ещё не готова. Если она откажется, я пойму. Наверное.

Марина рассмеялась снова.

— Господи... Ты сейчас серьёзно предлагаешь мне бартер? Я тебе институт — ты мне космический корабль?

— Да.

— Ты понимаешь, насколько это ненормально?

— Нет.

Понимал. Ещё как понимал. Но если честный разговор её пугал, а обычные доводы заставляли отступать, оставалось искать обходные пути. Заинтересовать. Рассмешить. Дать ей что-то своё и не потребовать ничего взамен. Маленькую, мягкую землянку хотелось не загнать в угол, а укрыть от всего, что могло её напугать.

— Я так и знала.

Сделка казалась мне вполне равноценной. Каждый показывал другому свою территорию. И впервые с начала разговора она перестала искать причину отказать. Это уже было полезнее любых трёхсот сорока двух правил.

— Подожди. — Она выпрямилась. — Настоящий корабль? Который летает между звёздами? И ты действительно покажешь его мне?

— Да.

— Просто так?

— За экскурсию по твоей территории.

Марина некоторое время молчала, явно пытаясь найти разумную причину отказать. Потом уронила голову на сложенные руки.

— Это худшая сделка в истории человечества.

Жест получился таким отчаянно-милым, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Я прочистил горло и заставил себя спросить:

— Почему?

Она подняла на меня глаза.

— Потому что я уже хочу согласиться.

Вот теперь скрывать улыбку не имело смысла. Наконец-то мы договорились. Хвост, видимо, пришёл к тому же выводу и слишком довольный скользнул по полу в её сторону. Я успел перехватить его у ножки стола и прижать к себе, пока Марина не заметила, насколько быстро обычная экскурсия превратилась для меня в личную победу.

— Тогда завтра? — спросил я как можно спокойнее.

Глава 8. Мой хвостатый экскурсовод

Марина

Утро началось с сожалений о вчерашних решениях, и выбрать среди них самое сомнительное было непросто. Я впустила домой инопланетянина, согласилась привести его в университет, а после полуночи ещё и заключила сделку, суть которой сводилась примерно к следующему: «Я тебе кафедре — ты мне космический корабль».

На свежую голову идея уже не казалась гениальной. Особенно её автору, который лежал в кровати и всерьёз рассматривал возможность провести там остаток дня.

Отступить было поздно. Джарим появился ровно в назначенное время и даже воспользовался дверью: постучал дважды, дождался приглашения и только потом вошёл. Вчерашний разговор явно пошёл на пользу — правила посещения земных жилищ образцовый инопланетянин усвоил с первой попытки.

До университета решили идти пешком, и вскоре я начала подозревать, что последствия этой идеи тоже недооценила.

Маскировка исправно скрывала хвост и клыки, сглаживала черты лица, превращая аситина в обычного мужчину. Правда, двум метрам роста, широким плечам и привычке занимать вокруг себя половину доступного пространства технология помочь не могла.

В результате рядом со мной шёл вполне человеческий мужчина. Большой, заметный и с таким серьёзным лицом, что ему без колебаний можно было доверить штурм небольшой крепости вместе с последующим составлением отчёта.

Чем ближе становился университет, тем чаще я вспоминала одну неприятную закономерность: самые совершенные технологии начинали чудить ровно тогда, когда меньше всего хотелось объяснять последствия окружающим.

Особенно мне везло на хвост.

Поэтому время от времени я проверяла, всё ли по-прежнему не видно. Пока маскировка держалась, Рим выглядел человеком, а его дополнительная конечность оставалась исключительно нашей проблемой.

Хотелось сохранить такое положение дел хотя бы до выхода из университета. Объяснять кафедре внезапное появление двухметрового хвостатого инопланетянина сегодня не хотелось.

— Ты нервничаешь, — заметил Джарим.

— Нет.

Он напомнил, что прекрасно чувствует это по запаху.

Я покосилась на него. Ничего. До обсуждения этой вопиющей особенности аситинской физиологии мы ещё доберёмся.

Студенты начали обращать на нас внимание ещё у входа. Чем выше мы поднимались, тем больше людей оборачивалось, а на четвёртом этаже некоторые уже здоровались первыми. Видимо, присутствие рядом со мной мужчины таких габаритов пробуждало непреодолимое желание продемонстрировать хорошие манеры. На всякий случай.

Я уже почти привыкла к повышенному вниманию, когда у талии появилось лёгкое давление.

Рядом шёл Джарим с безупречно невозмутимым лицом человека, который совершенно точно ничего подозрительного не делает. Я знала его достаточно хорошо, чтобы не поверить.

— Джарим, — ележно протянула я. — Что ты делаешь?

— Иду рядом с тобой.

И тут я вспомнила о части этого нахального аситина, благополучно скрытой маскировкой.

Ну конечно.

Хвост уже успел добраться до моей талии.

— Ты сейчас серьёзно?

Рим прекрасно понял вопрос, но сознаваться не собирался.

— Здесь много людей. Можно потеряться.

Я остановилась.

— Потеряться? Джарим, тебя, вероятно, из космоса видно.

— Не преувеличивай.

— Я серьёзно!

— Я тоже не хочу тебя потерять.

По его лицу было ясно: он ничуть не шутил. Для Рима университетский коридор, похоже, мало отличался от джунглей неизвестной планеты.

— Отпусти мою талию.

— Хвост держится за куртку.

Ну да. Конечно.

И смотрит совершенно честными глазами исключительно потому, что честность — великая аситинская добродетель.

— Джарим. Отпусти.

— Хорошо.

Давление исчезло. Через несколько шагов за спиной донеслось:

— Идея была разумная.

— Нет.

— Для ответственного аситина — вполне.

Я пошла дальше. Спорить с инопланетянином, использующим собственный хвост как страховочный трос и считающим это здравым смыслом, было бесполезно.

— Марина Сергеевна...

Ассистентка кафедры оглядела Джарима, затем меня.

— Это кто?

— Знакомый.

— Жаль. Я хотела посмотреть на реакцию Королёва.

Ждать пришлось недолго.

Профессор увидел Рима, снял очки, протёр их, надел обратно и ещё раз внимательно изучил моего спутника.

— Это охрана?

— К сожалению, нет.

К обеду я начала подозревать, что привела в университет чрезвычайно любопытного кота. Большого, хвостатого и прекрасно замаскированного под взрослого мужчину.

Сам Джарим вёл себя безупречно: вежливо здоровался, внимательно слушал преподавателей и студентов и даже умудрился не напугать декана, хотя тому явно пришлось приложить усилия.

Вопросами Рим пока не мучил. Он наблюдал за всем с таким интересом, что я уже представляла наш вечер. Его занимало буквально всё: как люди разговаривают, куда спешат, чем занимаются между занятиями и зачем делают половину привычных для нас вещей. Периодически становилось понятно: очередная бытовая мелочь отправилась в коллекцию земных странностей.

Следующая обнаружилась возле кафедры.

Двое студентов обсуждали подработку. Один жаловался, что почти не спал после ночной смены, второй советовал дотянуть до конца семестра. Обычный разговор, который я бы пропустила мимо ушей, если бы Рим через несколько секунд не наклонился ко мне.

— Он работает ночью, учится днём и делает это добровольно?

Началось.

— Джарим.

— Что?

— Не сейчас.

На удивление, он послушался и следующие семь минут молчал. Я засекала.

На восьмой мы встретили аспирантку с соседней кафедры. По дороге она успела пожаловаться на съёмную квартиру, кредит за обучение и диссертацию, грозившую пережить её саму.

Метров через двадцать Рим всё-таки не выдержал:

— Она тоже живёт одна?

— Да.

— И сама оплачивает жильё?

Я кивнула.

После этого он некоторое время переваривал услышанное.

— Что? — не выдержала я.

— Мне не нравится эта система.

— Какая именно?

Он кивнул в сторону ушедшей аспирантки.

— Та, в которой уставшие женщины всё делают сами.

Я едва не споткнулась.

— Тише!

— Почему?

— Потому что, если тебя услышит кафедра, мне потом неделю придётся придумывать убедительную версию твоего существования.

Для аситина вопросы о том, кто обеспечивает женщину жильём, защищает её и почему никто этого не делает, были вполне естественными. Для сотрудников земного университета двухметровый мужчина, выясняющий семейное положение аспиранток, мог выглядеть несколько иначе.

После этого Джарим перестал озвучивать каждую мысль. Особого облегчения это не принесло. Теперь он слушал, наблюдал, а потом выбирал один вопрос — короткий, точный и обычно на тему, которую мне меньше всего хотелось обсуждать.

Почему преподаватели работают дома? Зачем студентам кредиты на обучение? Почему университет не увеличит штат? Кто помогает тем, у кого нет семьи?

Получив ответ, Рим обдумывал его и добавлял очередной пункт в мысленный список земных недостатков.

— Странная планета.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Я уже поняла.

К концу дня студенты и коллеги перестали меня беспокоить. Наблюдать за Джаримом оказалось интереснее. Особенно его занимали женщины, которые сами оплачивали жильё, работали, учились, растили детей и считали подобную жизнь обычной. Ещё немного — и он потребует показать человека, ответственного за организацию Земли.

Хуже было другое: некоторые его вопросы постепенно переставали казаться мне глупыми.

Домой мы вернулись вечером. Едва я сняла обувь, Джарим предупредил:

— Сейчас будет телепортация. Готовься. Землянки обычно плохо переносят перемещение.

Уже прогресс. В этот раз он хотя бы сообщил заранее, прежде чем обвить меня хвостом и притянуть ближе.

Я собиралась выяснить, откуда у него такая богатая статистика по землянкам, когда прихожую залил серебристый свет.

Переход занял мгновение, а моему вестибулярному аппарату понадобилось чуть больше времени, чтобы признать случившееся. Когда пол перестал уходить из-под ног, мы уже стояли внутри шаттла.

Экскурсии хватило минут на пять. Потом я начала задавать вопросы.

Джарим повёл меня по плавно изгибающемуся коридору, объясняя назначение помещений, пока я пыталась одновременно слушать и рассматривать корабль. Никакого привычного металла, пластика или проводов. Матовая серебристая поверхность стен оказалась тёплой, вдоль пола и потолка тянулись полосы света, двери бесшумно расходились сами.

— И сколько здесь человек помещается?

— Аситинов.

— Неважно. Сколько?

Он вздохнул и ответил.

Шаттл оказался просторнее, чем выглядел снаружи. За одной дверью обнаружилась зона отдыха, за другой — помещение, подозрительно похожее на лабораторию. В третье Джарим меня не пустил, чем совершил серьёзную стратегическую ошибку: до этого мне было любопытно, теперь я точно собиралась выяснить, что там находится.

Следующий вопрос я задать не успела. Стена впереди стала прозрачной, и под нами появилась Земля. С такой высоты города и дороги исчезли. Остались облака, океаны и тонкая голубая дуга атмосферы.

— Красиво, — заметил Джарим.

— Это видеоролик.

— Понятно.

Я ещё некоторое время смотрела на Землю, пока не вспомнила, что внизу давно наступил вечер. Наверное, впервые за весь день мне действительно нечего было спросить.

Хватило меня секунд на десять.

— Всё. Рассказывай.

— Что именно?

— Вообще всё.

Кажется, только теперь Джарим оценил последствия решения добровольно привести преподавателя на собственный корабль.

Следующий час ушёл на Союз, планеты, расы и ещё десяток вещей, о существовании которых утром я даже не подозревала. Он рассказывал, я перебивала вопросами, а к концу разговора Джарим временами выглядел так, будто начинал сомневаться в разумности самой идеи разрешить землянкам разговаривать.

Постепенно шаттл перестал казаться декорацией из фантастического фильма. Для Джарима это был обычный транспорт — такой же привычный, как для меня машина, поезд или самолёт. Просто его цивилизация давно перемещалась не между городами и странами, а между планетами.

С этой мыслью я не сразу заметила надпись на одной из панелей. Прочитала, вернулась к началу и проверила ещё раз.

— Джарим... — он обернулся и я указала на заинтересовавшую меня панель. — А это что такое?

По его реакции стало понятно: наконец-то мне попало что-то действительно интересное.

Глава 9. А он большой?

Джарим тор Брез

К тому моменту, когда Марина закончила расспрашивать меня об истории Союза и добралась до обзорной палубы, я уже понял, что совершил стратегическую ошибку. Предложить преподавателю задавать любые вопросы и рассчитывать на умеренность было самонадеянно.

За два часа она успела пройти путь от первого межрасового соглашения до устройства Совета, выяснила структуру управления колониями, полномочия старших бростов и ещё десяток вещей, о которых большинство граждан Союза благополучно не задумывались всю жизнь. Бортовой интеллект дважды предлагал перейти в режим ускоренного поиска данных. На третий раз я был готов согласиться.

Даже Земля за прозрачным экраном ненадолго удержала внимание Марины. Вскоре она снова переходила от панели к панели, изучала проекции и требовала объяснений всему, что не укладывалось в уже собранную ею картину Союза.

Именно поэтому я не сразу заметил, что двигаться она стала медленнее. При каждой остановке Марина ненадолго прижимала ладонь к пояснице, а потом упрямо шла дальше.

Спрашивать, устала ли она, смысла не было. Ответ землянки я знал заранее. Хуже всего было то, что она и сама знала. Чувствовала боль, усталость, слабость — и всё равно заставляла себя идти дальше. У землян, похоже, инстинкт самосохранения иногда ломался о слово надо. Значит, придётся временно заменить ей этот инстинкт.

— Сядь, — велел я.

— Зачем?

Она даже от схемы Совета не отвлеклась.

— Ты несколько часов на ногах.

— И что?

— Ты устала.

— Нет.

Слишком быстро. Раздражение поднялось резко и неприятно. Не на неё — на эту земную привычку стоять до последнего, даже когда тело уже просит остановиться. Хотелось взять её за плечи и заставить наконец услышать себя. Маленькая упрямая самка спорила не со мной, а с собственной усталостью.

Если бы действительно не устала, сначала хотя бы подумала.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Как будто уже знаешь, что прав.

— Я знаю. Ты третий раз держишься за поясницу.

Она недоверчиво прищурилась.

— Ты за мной наблюдаешь?

— Конечно.

Только по её лицу я понял, что для землянки ответ прозвучал не так естественно, как для меня.

— Это вообще ненормально. Ты даже соврать не попытался.

— Зачем?

Возражений на это у неё не нашлось, но сдаваться Марина тоже не собиралась. Скрестила руки на груди и сообщила, что всё ещё не устала.

Можно было продолжить спор. Я предпочёл решить проблему.

Подошёл, взял её за талию и поднял. Марина тихо пискнула, а через секунду уже сидела в кресле второго пилота. Я подтянул боковые фиксаторы, проверил, удобно ли ей, и только тогда обнаружил, что землянка смотрит на меня круглыми глазами.

— Ты меня поднял.

Я не понял, в чём проблема.

— Просто взял и поднял! Без предупреждения!

А. Вот в чём.

— Ты бы начала спорить.

— Конечно бы начала!

— Поэтому я сэкономил время.

Раздражение, правда, исчезло раньше, чем следовало. Стоило поднять её, ощутить тепло под ладонями и то, как легко она помещается в руках, как все разумные доводы на несколько секунд потеряли значение. Хорошо, что Марина возмущалась слишком искренне и не заметила моего молчания.

Марина несколько секунд смотрела на меня, после чего закрыла лицо ладонями. За годы общения с землянками я уже знал этот жест. На ближайшие несколько минут спор был окончен.

Марина

Меня никто не поднимал на руки лет тридцать. Последним, кажется, был отец, когда я ушла в машине после поездки к бабушке.

Поэтому воспоминание о двухметровом инопланетянине, который только что перенёс меня через половину палубы и усадил в кресло с невозмутимостью взрослого, перекладывающего сонного ребёнка, мозг пока обрабатывать отказывался.

К счастью, отвлёт меня экран.

Панель распознала нового пользователя, и строки автоматически сменились знакомым языком. Бортовой переводчик проделывал это со всей информацией, на которую я обращала внимание.

Надпись я перечитала дважды.

БАЗОВЫЙ КУРС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЗЕМЛЯНКАМИ

Я повернулась к Джариму.

— Покажи.

— Нет.

Отказ прозвучал быстрее, чем ответы на вопросы о демографическом кризисе.

— У вас правда есть курс по землянкам?

Джарим вздохнул.

— Это служебные материалы.

— Рим, там буквально написано «взаимодействие с землянками».

Ещё пару секунд он явно искал достойную причину отказать, но сдался. Вскоре на моём ухе оказался переводчик, экран ожил, и я увидела коротко стриженную шатенку. Следом появилась рыжая.

Серьёзного просмотра не получилось.

К концу брифинга я уже смеялась до слёз.

— Они правда записали это для вас? И вы обязаны смотреть?

— Это первая экспедиция такого рода. Все участники прошли обучающие модули.

Прекрасно. Межзвёздная цивилизация, способная строить корабли и пересекать космос, добровольно смотрела инструкции по общению с женщинами.

— Это же гениально. — Я ткнула пальцем в экран.

— Что именно?

— Они продают надежду.

Джарим задумался.

— Возможно, поэтому Совет и разрешил им создать программу.

— В смысле?

Улыбка исчезла с его лица.

— Изначально никаких курсов не было.

— Тогда зачем понадобились?

— Из-за ошибки.

Вот тут мне стало уже не до смеха.

После обнаружения Сии Совет заинтересовался капсулой, которая доставила её в Союз. Технология оказалась настолько необычной, что сектор начали исследовать подробнее, а через год нашли ещё девять подобных капсул.

— Девять? И в них тоже были люди?

— Женщины.

Я выпрямилась.

— Что с ними стало?

Их распределили по бростам. Большинство адаптировались, создали семьи и со временем нашли своё место. Большинство. Это слово мне сразу не понравилось.

— А остальные?

Джарим помедлил.

— Одна женщина так и не смогла адаптироваться. Уже десять лет регулярно пытается сбежать. Специалисты считают её психически нестабильной.

— А ты?

Ответ последовал не сразу.

— Думаю, мы поздно поняли, насколько люди отличаются от нас.

Вот откуда появились курсы. Не из внезапной любви Союза к педагогике, а после того, как кто-то десять лет пытался выбраться из жизни, которую остальные считали вполне подходящей.

Я ещё смотрела на экран, когда Джарим поднялся.

— Хочешь увидеть Землю?

— Я её и так вижу.

— Запись не считается.

Через несколько минут я снова сидела в кресле второго пилота, на этот раз надёжно пристёгнутая.

Процесс пристёгивания предпочитала не вспоминать.

Давно перед вами мужчина стоял на коленях? Передо мной — никогда. И выяснилось, что это одновременно ужасно неловко и до неприличия приятно.

Пока я пыталась договориться с собственными гормонами, шаттл развернулся. Земля начала удаляться, следом появилась Луна, и только тогда я увидела настоящий масштаб.

Чёрное пространство. Голубая дуга атмосферы. Планета справа и космос, который здесь находился буквально за стеной.

В рубке прозвучал сигнал. Джарим взглянул на консоль.

— Флагман.

Над панелью развернулась объёмная проекция. На связи были трое.

Первый выглядел настолько устрашающе, что рядом с ним Джарим неожиданно переходил в категорию почти милых. Появись этот тип позавчера ночью в моей спальне, знакомство закончилось бы ещё до первой реплики — моей скоростижной смертью.

Второй казался почти человеком, если не считать ярко-красных волос. Третий напоминал одновременно человека и лысого хомяка. Разнообразие местной фауны продолжало впечатлять.

Красноволосый первым расплылся в улыбке.

— Землянка с тобой?

Джарим кивнул.

— Да.

— Быстро ты.

— Мы думали, ещё неделю будешь топтаться под её дверью, — серьёзно добавил хомяк. Я повернулась к Джариму. Он старательно изучал приборную панель.

— Потом объясню.

Самый страшный из троицы даже не улыбнулся.

— Тор Брез.

Джарим сразу собрался.

— На связи.

Над консолью появилась карта околоземного пространства. Несколько красных отметок двигались к внешней границе системы.

— Радикальные группы перехватили транспорт с первой партией земных женщин. Четыре землянки. Брост тар Драстов уже проводит операцию по освобождению. Дополнительным офицерам приказано прибыть на главный флагман.

— Принял.

Красноволосый снова посмотрел на меня.

— Если тьера...

— Марина Сергеевна, — подсказала я.

— Если Марина Сергеевна не возражает, раз уж тор Брез всё равно летит к нам, приглашаем продолжить экскурсию на главном флагмане Союза.

— Официально, — добавил хомяк. — В качестве гостя Галактического союза.

Джарим отвёл взгляд подозрительно быстро.

— Ты надеялся, что они это предложат?

Он подумал.

— Немного.

— То есть теперь ты пытаешься заманить меня на крупнейший военный корабль своей цивилизации?

— Я бы сказал — пригласить.

— Это одно и то же.

— Для землян — возможно.

Нет. Разумный человек сейчас должен был отказаться. Сразу и без обсуждений. Я посмотрела на троих инопланетян, терпеливо ожидающих ответа.

— А он большой?

Глава 10. Ты где-то просчитался

Джарим

Ещё до стыковки меня начало беспокоить собственное настроение. Для офицера разведывательного корпуса подобная беспечность вообще должна считаться служебным нарушением.

Причина была очевидна.

Марина согласилась подняться на флагман сама, без давления, уговоров и многоходовых комбинаций Совета. Этого хватило, чтобы я позволил себе строить планы: показать ей корабль, который давно стал домом, познакомить с экипажем, провести по тем местам, где проходила большая часть моей жизни.

Хотелось, чтобы за формой, клыками и хвостом она увидела мужчину, а не очередное чудовище из земных страшилок.

План продержался до того момента, когда диспетчер прислал утверждённый маршрут экскурсии.

Тренировочный сектор. Научный блок. Инженерный отсек. Командный мостик. Жилые палубы. Обзорная галерея.

Я перечитал список и поморщился.

— Парадно.

Тор Берс мельком взглянул на экран.

— И?

— Почему маршрут напоминает рекламный буклет Союза?

— Потому что ты параноик.

— Я разведчик.

— Это одно и то же.

Я фыркнул, но подозрения никуда не делись. После стыковки первый повод для них встретил меня прямо в шлюзе.

Старпом тор Берс стоял у прохода в новой форме.

За восемь лет службы я видел его в боевом снаряжении, полевом комплекте, аварийном костюме и даже в медицинском халате после неудачного спора с шибару. Добровольно надеть форму без единой складки, потёртости или следов эксплуатации он мог только по очень веской причине.

Я задержался рядом.

— Откуда форма?

— Из шкафа.

Ответ был исчерпывающим только на первый взгляд. Новая форма раздражала меня сильнее, чем имела право обычная одежда, но причины для претензий не находилось. Тор Берс ничего не нарушил, ничего не сделал и вообще мог выглядеть как ему вздумается.

Только я слишком хорошо знал самцов, которые внезапно вспоминали об опрятности рядом с заинтересовавшей их самкой.

— Зачем переоделся?

Старпом вздохнул.

— Старая форма была старая.

Убедительно. Я остался на месте. Обвинять его было не в чем, а сообщать, что мне не нравится его внезапный интерес к собственному внешнему виду рядом с Мариной, я тем более не собирался.

Тор Берс выдержал недолго.

— Тор Брез.

— Тор Берс.

— Я не прихорашивался. Просто захотелось выглядеть опрятно.

Можно было бы поверить. Если бы его хвост не выдавал хозяина гораздо убедительнее любых объяснений.

— Именно сегодня?

— Совпадение.

Я окинул взглядом свежий воротник, идеально уложенный хвост и благоразумно кивнул.

— Конечно.

— Я тебя ненавижу.

— Взаимно.

Мимо нас прошёл офицер. В новой форме. Следом второй. Потом третий. К четвёртому я уже перестал считать.

На моём корабле подобные совпадения не случались. Если половина экипажа внезапно начинает выглядеть так, словно её собираются фотографировать для агитационных плакатов, кто-то явно подготовился к прибытию землянки.

Через двадцать минут подозрения подтвердились.

В тренировочном секторе шёл спарринг.

Само по себе ничего необычного: занятия проводились постоянно. Вот только сегодня на площадке одновременно собрались лучшие бойцы сектора, причём ровно к нашему приходу.

Марина остановилась у защитного ограждения, когда завершался очередной поединок.

Двое аситинов двигались быстро и чисто: удар, уход, контратака. Один перехватил соперника хвостом, развернул через бедро и отправил вниз, но перед самым покрытием подхватил и поставил обратно на ноги.

Марина присвистнула. Мне сразу захотелось закрыть ей обзор. Или провести отдельную тренировку для всего сектора, с обязательным объяснением, почему устраивать показательные спарринги перед моей землянкой — плохая идея. Очень плохая. Особенно если кто-то рассчитывал произвести впечатление.

По залу прокатился одобрительный гул. Победитель мгновенно поднял голову. За ним ещё двое. Через несколько секунд на неё смотрела уже половина сектора.

Прекрасно.

— Они всегда так тренируются? — спросила она.

— Нет. — Марина повернулась ко мне и я исправился — Это плановая тренировка.

— Конечно.

Внизу один из бойцов в этот момент решил снять верхнюю часть формы. Посреди спарринга. Практическая необходимость, и только.

— Джарим.

— Что?

— Они красуются.

Хвост скользнул к Марине раньше, чем я успел принять разумное решение. Я зацепил её за талию и чуть отодвинул от ограждения. Совсем немного. Исключительно потому, что у края площадки было небезопасно.

Несколько бойцов внизу одновременно отвели глаза. Хорошо. Значит, предупреждение поняли.

— Тебе показалось.

— Тот только что разделся. — она ещё и пальчиком хотела указать на того смертника, но я быстро развернул её к выходу, аккуратно придерживая предплечья.

— Ему жарко.

Марина посмотрела на меня с таким выражением, что дальнейшие объяснения потеряли смысл.

Официальный отбор ещё даже не начался. По протоколу малышке предстояло пройти адаптацию, получить доступ к реестру кандидатов и только потом выбирать. Экипаж ждать не собирался. Без Совета и положенных процедур, зато с новой формой, голыми торсами и вполне очевидным желанием понравиться единственной свободной землянке на борту.

— В помещении поддерживается постоянная температура, — напомнила Марина и осталась на выходе и тренировочной зоны.

— Интенсивная нагрузка, симаи.

Один из бойцов как раз решил продемонстрировать особенно интенсивную и совершенно необходимую нагрузку на плечевой пояс. Прежде чем окончательно покинуть секцию Марина проследила за ним, потом посмотрела на меня и улыбнулась.

В черную дыру все, она явно видела все мои манипуляции и, похоже, происходящее её всерьез развлекало. Хуже того, в какой-то момент от нее на несколько секунд повеяло заинтересованностью и чем-то похожим на желание. Я стоял достаточно близко, чтобы это почувствовать. Смертнику повезло, ее интерес не продлился достаточно долго, чтобы я начал считать его конекурентом.

Но настроение испортилось в конце.

В научном секторе выяснилось, что шибару уступать аситинам не намерены. С мышцами конкурировать было бессмысленно, поэтому они использовали то, чем располагали в избытке: интеллект и технологии.

Нас встретили сразу несколько ведущих специалистов флагмана. Провели по лабораториям, показали медицинские комплексы, регенерационные камеры и множество устройств, назначение части которых я сам помнил только в общих чертах. Каждый учёный при этом находил что-нибудь особенно сложное, что непременно требовалось объяснить Марине.

Она была в восторге.

После третьего зала экскурсия окончательно превратилась в профессиональный допрос. Марину интересовало всё: выращивание органов, сроки регенерации, возможности реконструкции тканей. Шибару отвечал сначала сдержанно, потом всё подробнее и вскоре уже явно наслаждался вниманием.

Заметив результаты сканирования её руки, он отправился к консоли и вернулся с тонкой полупрозрачной пластиной.

— Корректор мышечного напряжения. У вас перегружены мышцы плеч и спины.

Марина приняла устройство.

— Спасибо.

Всё выглядело безупречно профессионально. Только я слишком долго служил рядом с шибару и прекрасно знал это выражение лица.

Учёный хвастался. Вежливо, сдержанно и исключительно в научных целях, и никак иначе.

Инженерный сектор оказался хуже. Кифу вообще не пытался привлечь внимание Марины. Почти час молча наблюдал за экскурсией, а потом куда-то исчез и вернулся с небольшим механизмом. Тот взлетел, завис возле её плеча и за несколько секунд вывел маршрут, температуру воздуха, перевод незнакомых терминов и расположение ближайших санитарных зон.

— Это что? — рассмеялась Марина.

— Помощник.

— Для чего?

Кифу пожал плечами.

— Для удобства.

За десять минут он решил несколько задач, которые я пытался предусмотреть последние дни, причём сделал это так, словно ничего особенного не произошло.

Ненавижу умных существ. Особенно тех, кто без всякого уважения к чужим усилиям приносит маленькую летающую дрянь и мгновенно получает от Марины восхищённый взгляд. Я, значит, несколько дней осторожно обхаживаю упрямую землянку, а лысый кифу решил обойти меня с фланга при помощи навигации, температуры воздуха и санитарных зон.

Но хуже всех оказался ицтек.

Красноволосый, высокий, улыбчивый и, как очень быстро выяснилось, прекрасно умеющий разговаривать с землянками. Он не демонстрировал ни силу, ни технологии, ни собственные достижения. Просто задавал вопросы и слушал ответы.

Через несколько минут они с Мариной уже обсуждали её работу на Земле, потом перешли на книги, а вскоре смеялись над каким-то земным сериалом, о существовании которого я даже не подозревал.

И вот с этим я ничего не мог сделать.

С аситами всё было понятно. Шибару показывали технологии. Кифу решал бытовые проблемы. Их действия можно было оценить, сравнить и при необходимости превзойти.

Ицтек просто нравился ей. Идея отправить его в открытый космос становилась всё привлекательнее. Оставалось придумать законное основание.

— Ревнуешь? — раздался рядом голос тор Берса.

— Нет.

Я как раз выбирал между случайно вывести из строя шлюз и объявить учебную тревогу с обязательной изоляцией всех посторонних ицтеков. Оба варианта требовали доработки, но направление было верным.

— Конечно.

— Замолчи.

Старпом проследил за моим взглядом и ухмыльнулся.

— Не могу. Это лучшее развлечение за последние полгода.

К сожалению, он отвлекал. Без его комментариев я, возможно, уже успел бы найти законный способ остричь ицтека налысо. Или хотя бы выбить один слишком довольный зуб.

В учебных целях, разумеется. Я уже собирался посоветовать ему найти другое, когда Марина снова рассмеялась над словами ицтека.

Тор Берс довольно хмыкнул.

— Добро пожаловать в официальный отбор, Джарим.

И вот тут шутка перестала быть смешной. До сих пор всё было просто. Марина встретила меня первой, я оказался рядом, помогал ей освоиться и постепенно привык к мысли, что наше общение развивается вполне удачно.

Теперь на неё смотрел весь экипаж. Аситины, шибару, кифу, ицтеки — самцы, среди которых хватало тех, кто мог предложить ей ничуть не меньше. А некоторые, как выяснилось сегодня, умели делать это значительно лучше меня.

По протоколу малышке действительно предстояло выбирать. И впервые мне пришлось задуматься, что произойдёт, когда выбор станет настоящим. Потому что тогда одного моего желания будет недостаточно.

Глава 11. Чужая бывшая меня не касается

Марина

К столовой я добралась с ощущением, что за последние несколько часов мне выдали новую реальность, а инструкцию к ней приложить забыли.

Ещё неделю назад главной проблемой были студенты, упорно считавшие список литературы необязательной частью курсовой. Теперь я обсуждала регенерацию органов, инопланетную физиологию и прочие вещи, за которые на Земле любой приличный научный журнал потребовал бы десяток подтверждений.

Мозг пока справлялся. Ноги — хуже. Экскурсия затянулась настолько, что каждый новый коридор вызывал у меня вполне обоснованное недоверие.

А тренировочный сектор обнаружил проблему, к научной части программы отношения не имевшую.

Поначалу я честно следила за техникой боя, запоминала приёмы и даже пыталась делать выводы. Потом выяснилось, что сосредоточиться на образовательной составляющей, когда её демонстрируют двухметровые представители крайне спортивной инопланетной расы, несколько сложнее.

В какой-то момент техника окончательно отошла на второй план, зато всё остальное я замечала прекрасно.

Последние несколько лет моя личная жизнь существовала преимущественно в теории, и организм, похоже, решил воспользоваться случаем и напомнить об этом самым неподходящим способом. Выбросить увиденное из головы тоже не получилось. Голые торсы, мускулистые тела и мощные движения уже неплохо там устроились.

— Замечательно, — пробормотала я, встряхнув головой.

Определённо пора было выпить чаю, съесть что-нибудь сладкое и перестать разглядывать спортивных инопланетян исключительно в образовательных целях.

— Надо было сделать перерыв раньше, — буркнул шедший рядом Джарим.

Я не удержалась от смеха.

— Вот сейчас и передохнём. Верно?

— Угу, — отозвался он без особого энтузиазма.

За время экскурсии Рим заметно притих, хотя с момента знакомства молчаливостью точно не страдал. Что именно испортило ему настроение, я пока не понимала и выяснять при посторонних не собиралась.

Столовая флагмана оказалась неожиданно уютной. Я ожидала металлических столов, одинаковых подносов и помещения, где даже еду выдают по команде. Вместо этого нас встретила просторная светлая зона отдыха, где экипаж ел, разговаривал и умудрялся спорить сразу на нескольких языках.

Мы только заняли столик, когда к нам подошёл ещё один аситин. Кажется, я уже видела его на тренировочном поле. Во время спарринга длинные чёрные волосы были собраны в хвост, теперь свободно лежали на плечах и спускались почти до середины спины.

При его росте, массивной фигуре и суровом лице такая причёска по всем законам должна была смотреться странно.

Не смотрелась.

Я невольно задержала на нём взгляд. Красивый всё-таки, зараза. В той специфической аситинской манере, когда сначала хочется полюбоваться, а потом вспоминаешь про когти и решаешь соблюдать безопасную дистанцию.

На всякий случай я заинтересовалась столом.

Аситин остановился рядом, коротко взглянул на Джарима, затем на меня.

— Тор Брез.

— Тор Риат.

Они обменялись кивками, после чего незнакомец слегка склонил голову уже в мою сторону.

— Рад познакомиться, тьера Марина Сергеевна.

— Взаимно.

Джарим при этих словах едва заметно поморщился, хотя я могла и ошибиться.

Тор Риат тем временем обозначил взглядом свободное место напротив, но садиться не стал. Его нерешительность выглядела странно для мужчины, который до этого держался вполне уверенно.

Я вопросительно приподняла бровь.

— Простите. Привычка.

— Какая?

— По корабельному этикету нельзя занимать место рядом с самкой без её приглашения.

Слово «самка» я решила пропустить мимо ушей. Для них оно звучало куда привычнее, чем для меня.

— Серьёзно?

— Большинство самок не любят обнаруживать рядом двухметрового самца, которого не приглашали, — совершенно буднично пояснил он.

Я покосилась на Джарима. Тот даже не удивился, и этого оказалось достаточно, чтобы поверить: правило тор Риат не придумал на ходу.

— Кроме того, — продолжил он, — Считается невежливым занимать место рядом с женщиной, если её уже сопровождает мужчина.

Так. А вот это становилось интереснее.

— То есть вы сейчас спрашиваете разрешения у меня?

— И у тор Бреза.

Я не удержалась от смешка.

— Какие сложные у вас церемонии.

— Наоборот. — Тор Риат усмехнулся. — Они значительно снижают количество драк.

Получив разрешение, он устроился через проход от меня, оставив между нами достаточно места, чтобы разговаривать, не рискуя случайно столкнуться локтями. После этого никаких дополнительных объяснений о правилах поведения с землянками уже не требовалось.

— Как вам флагман? — спросил он, обведя рукой просторное помещение.

— Пока впечатляет.

— Осторожнее с выводами. Вы ещё почти ничего не видели.

Я улыбнулась. Общаться с ним оказалось неожиданно легко, поэтому подвох я заметила, только когда разговор добрался до Джарима.

— Знаете, несколько лет назад мне бы никто не доказал, что тор Брез однажды добровольно приведёт сюда землянку.

Вот теперь стало интересно.

— Почему?

— После истории с астниерой тар Драст он вообще перестал интересоваться женщинами.

Я посмотрела на Джарима. Тот молчал, но выражение его лица обещало собеседнику очень короткую и насыщенную дальнейшую жизнь.

— Тор Риат.

— Что?

— Замолчи.

— Я же ничего плохого не сказал. — Аситин улыбнулся ещё шире. — Марина Сергеевна просто должна знать, что ради одной женщины этот упрямец когда-то даже ушёл в дальнюю экспедицию.

Я невольно задержала взгляд на Джариме.

Вот эта подробность оказалась лишней. За несколько дней знакомства я успела привыкнуть к его вниманию, хвосту, который постоянно оказывался поблизости, и совершенно необоснованному ощущению, что всё это предназначалось исключительно мне. О существовании какой-то астниеры я почему-то не подумала.

А стоило бы. Мы знакомы всего несколько дней. Рим мне ничего не обещал, я ему — тем более. Так что внезапно испортившееся настроение не имело никаких разумных оснований.

Жаль, настроение об этом не знало.

— Астниера? — уточнила я.

— Марина. — Он говорил со мной, а изучал почему-то содержимое собственной тарелки. — Не надо.

Конечно. Очень удобно. Сначала появиться в моей жизни двухметровым ходячим аргументом в пользу безумия, таскать меня за собой, оберегать, смотреть так, что я успела почувствовать себя особенной, а потом позволить тор Риату сообщить за ужином о женщине, ради которой этот самый аргумент летал через половину галактики.

Хвост Рима перебрался ближе и зацепился кончиком за мою штанину.

Я благоразумно сделала вид, что не заметила. С хвостом всё было просто. С тем, насколько быстро я привыкла к его вниманию и почему известие о другой женщине так меня задело, — гораздо сложнее. Особенно при полном отсутствии между нами чего-либо определённого.

— Почему? — настойчивость моя не имела границ, ну же, добей меня окончательно.

— Потому что

— Великолепный аргумент. — в груди жгло но не устраивать же истерику из-за этого.

Тор Риат откровенно веселился. Джарим явно предпочёл бы закрыть тему, что раздражало ещё больше.

— Тьера Марина Сергеевна, — окликнули меня.

От мыслей об астниере я отвлеклась с удовольствием. Рядом появился знакомый шибару из лаборатории — Фархад Жату Ситу, любитель научных игрушек и обладатель подозрительно довольной улыбки, которой даже торчащие из-под нижней губы бивни не особенно мешали.

— Если экскурсия ещё не закончена, я хотел бы показать вам один исследовательский комплекс.

Джарим тут же прислушался, хотя Фархад предпочёл этого не заметить и принялся рассказывать об изучении адаптации разных биологических видов к условиям Союза.

— Звучит подозрительно научно.

— Именно поэтому вам понравится.

Я рассмеялась. Шибару довольно улыбнулся: угадал.

— Марина... — вмешался Джарим.

По одному тону было понятно: идея ему не нравится. Обоснование своего недовольства он, судя по всему, ещё не придумал.

И тут мне ужасно захотелось проверить, насколько далеко оно распространяется.

— Знаете что? Думаю, я схожу.

Фархад немедленно оживился, Джарим нахмурился, а я получила ответ на свой вопрос. Шибару уже собирался продолжить рекламу местной науки, когда на запястье аситина вспыхнул индикатор вызова.

— Тор Брез, вас вызывает капитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.